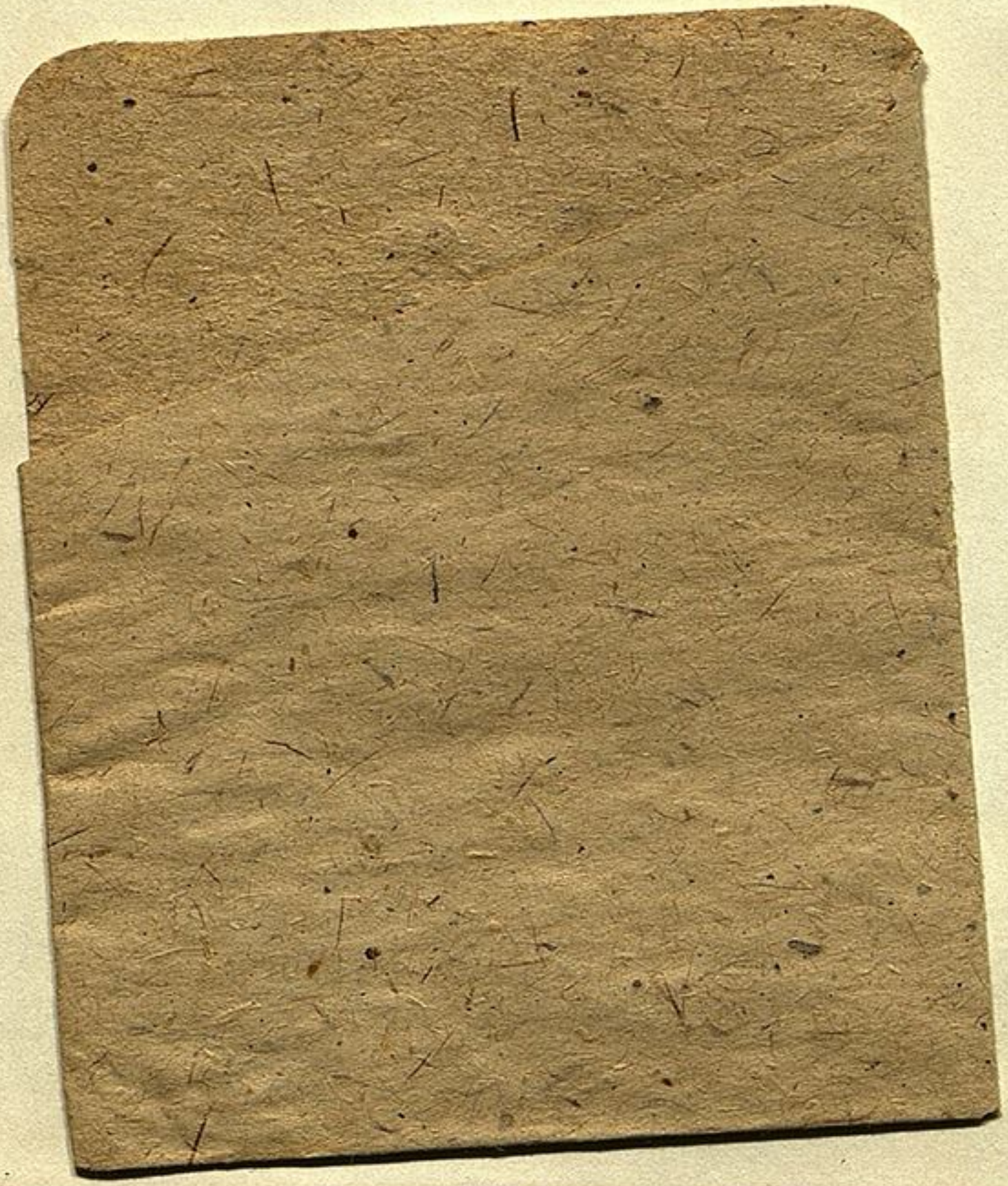
ІОАННЪ ГРОЗНЫЙ.

Т. ЛИНДЪ.

Іоаннъ Грозный.

муниципальное казённое учреждение
культуры Муниципального
образования город Ирбит
«Библиотечная система»

59107 ½ Ф

Ирбитская
городская ЦБС
Свердловской области

Складъ изданія: Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ,
книжный магазинъ **А. Д. Друтманъ.**

Типо-лит. Т-во **Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ**, Маріин. уч., с. д.

Іоаннъ Грозный.

Царствованіе Іоанна IV, Грознаго, занимаетъ чрезвычайно важное мѣсто въ нашей исторіи. Оно является временемъ полнѣйшаго переворота въ государственномъ строѣ Россіи, а именно окончательнаго превращенія раздробленной на мелкія удѣльныя княжества Руси въ Московское государство. Этотъ крупный переворотъ совершился не сразу, онъ начался еще въ XIV вѣкѣ и сопровождался долгой, упорной борьбой. Вѣнчавшись царскимъ вѣнцомъ въ 1547 году, Иванъ Грозный нанесъ послѣдній ударъ отживающему удѣльному строю, но не могъ окончательно сломить его приверженцевъ. Въ продолженіе всего его царствованія ему пришлось вести борьбу, начатую еще первыми московскими князьями и принявшую особенно острый характеръ при его дядѣ и отцѣ. Врагами Іоанна явились противники новаго строя, которые состояли изъ двухъ отдѣльныхъ группъ: потомковъ бывшихъ удѣльныхъ князей и прежнихъ дружинниковъ, превратившихся теперь въ бояръ, окружавшихъ московскій престолъ и составившихъ такъ называемое служивое сословіе, обязанное нести ратную службу и получавшее за это помѣстья и вотчины.

Въ удѣльное время между княземъ, владѣвшимъ удѣломъ, и человѣкомъ, поступившимъ къ нему на службу, заключался свободный договоръ, условія котораго могли всегда быть уничтожены по согла-

шенію сторонъ. На князѣ, какъ верховномъ правителѣ, лежала забота объ устройствѣ внутренняго порядка въ его княжествѣ и о защитѣ его отъ внѣшнихъ враговъ; въ этомъ ему помогала дружина, которая являлась главной военной силой княжества, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и совѣтчицей князя въ дѣлахъ правленія. Старшіе члены дружины, бояре, составляли княжескую думу, а также назначались княземъ на разныя правительственныя должности. Совершенно иную картину представляла изъ себя Московская Русь. Это было уже не свободное удѣльное княжество, а государство, крѣпко сплоченное, въ которомъ все общество дѣлилось на классы, обязанные нести различныя государственныя повинности.

Главной потребностью возникшаго государства сдѣлалась вооруженная сила для защиты его отъ его непосредственныхъ сосѣдей-шведовъ съ поляками и татаръ, покорившихъ Русь въ XIII вѣкѣ подъ предводительствомъ Батыя и основавшихъ свое царство, Золотую Орду, близъ Каспійскаго моря. Для этого одна часть общества была обращена въ служилый классъ, обязанный нести пожизненную ратную службу; въ составъ его вошли бояре и владѣльцы княжествъ, присоединенныхъ къ Московскому государству, бывшіе удѣльные дружинники, землевладѣльцы, а, наконецъ, во время походовъ—крестьяне и холопы; сверхъ того, цѣлыми массами стекались въ Москву иноземные ратные слуги изъ Польши, Германіи, татарской орды. Къ концу XVI вѣка постоянная вооруженная сила достигала 125.000 человѣкъ.

Служилые люди дѣлились на разряды, или чины: 1) чины думные: бояре, окольничіе, думные дво-

ряне; 2) чины московскіе: стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы; 3) чины городовые: дворяне и дѣти боярскіе. Чины эти пріобрѣтались не только службой, но и происхожденіемъ, т.-е. были наслѣдственны.

Человѣкъ знатнаго рода начиналъ свою службу обыкновенно съ московскаго дворянина и поднимался до боярства; незнатный же провинціальный дворянинъ могъ дослужиться до жильца или московскаго дворянина, но не выше. Но для содержанія многочисленнаго служилаго класса требовались, несомнѣнно, деньги, которыя и собирались съ другой части общества. Этотъ классъ людей носилъ названіе „тяглыхъ“, обязанъ былъ заниматься торговлей или земледѣліемъ и вносилъ подати въ казну. Такимъ образомъ, всѣ люди московскіе были разъ навсегда поставлены на опредѣленное мѣсто, какъ бы закрѣпощены государственной власти.

Никакіе мѣстные интересы и нужды не принимались въ расчетъ, все исчезало передъ однимъ всеобъемлющемъ стремленіемъ къ развитію общегосударственной власти. Цѣль эта могла быть достигнута только съ помощью сильной военной самообороны, поэтому все, что касалось умственной общественной жизни народа, не принималось ко вниманію, и Московская Русь сдѣлалась исключительно военнымъ государствомъ. Не сразу, однако, поняли удѣльные князья, бояре и дружина, чѣмъ будетъ для нихъ переходъ ихъ на службу Московскаго государства. Еще въ то время, когда Москва была незначительнымъ удѣльнымъ княжествомъ, со всѣхъ сторонъ начало стекаться къ ней многочисленное и блестящее боярство, а за

нимъ и всѣ остальные классы удѣльнаго княжества; порядокъ удѣльнаго времени ничѣмъ не ограничивалъ этихъ переселеній. Московское княжество тянуло всѣхъ къ себѣ: положеніе его въ центрѣ прочихъ княжествъ, далеко отъ страшныхъ враговъ, татаръ и литовцевъ, занимавшихъ всю Юго-Западную Русь, дѣлало жизнь въ немъ спокойной и безопасной; рѣка Москва, которая пересѣкала княжество, являлась въ то время удобнымъ торговымъ путемъ. Московскіе князья съ радостью встрѣчали пришельцевъ, и эти послѣдніе наперебой предлагали имъ свои услуги. Здѣсь ихъ ждали почести, деньги; на нихъ почти переставало тяготѣть татарское иго, бичъ всѣхъ удѣльныхъ княжествъ, благодаря ловкости московскихъ князей, сумѣвшихъ пріобрѣсть расположеніе хановъ Золотой Орды.

Стекаясь со всѣхъ концовъ Россіи, новое московское боярство стало занимать всѣ высшія должности, командовать войскомъ, управлять въ качествѣ намѣстниковъ своими бывшими удѣлами и усердно содѣйствовать московскому князю въ его внутреннемъ управленіи. Возвышая власть Москвы и единодержавія, русское общество думало этимъ охранить свою свободу, но на дѣлѣ вышло иначе. Пока московскіе князья должны были вести борьбу съ владѣльцами удѣльныхъ княжествъ, они всѣми силами старались перетянуть на свою сторону какъ можно больше народа, обѣщая всѣмъ такую же свободу, какой они пользовались въ удѣльныхъ княжествахъ, но какъ только они почувствовали твердую почву подъ своими ногами и перестали опасаться своихъ соперниковъ, ихъ образъ дѣйствій круто перемѣнился. Покончивъ съ удѣльными

князьями, московское правительство начало новую борьбу, борьбу со своимъ прежнимъ союзникомъ, русскимъ обществомъ, надѣявшимся подъ защитой Московскаго государства упрочить и возвеличить свои удѣльныя права.

Тутъ только поняли потомки князей, бояре и дружина, на что они промѣняли свою былую свободу.

Борьба загорѣлась, тяжелая упорная борьба, но было ужъ слишкомъ поздно. Московское княжество занимало теперь всю землю, заселенную великоруссами, оно сдѣлалось великорусскимъ народнымъ государствомъ; великій князь Московскій сталъ государемъ объединенной Великороссіи. Мысль объ единствѣ Русской земли, померкшая въ русскихъ умахъ во время раздробленія Руси на удѣлы, возникла у русскаго правительства. Оно рѣшило воспользоваться ею.

Іоаннъ III въ переговорахъ со своимъ зятемъ, княземъ Литовскимъ Александромъ, говорилъ: „Русская земля отъ нашихъ предковъ изъ старины наша отчина; вся Русская земля Божьей волей наша отчина“. Политическія событія способствовали укорененію подобныхъ взглядовъ въ русскомъ обществѣ: завоеваніе Константинополя турками разрушило политическое значеніе Византіи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, уронило ее въ религіозномъ отношеніи въ глазахъ русскихъ, считавшихъ ее до сихъ поръ матерью своей церкви. Теперь, по ихъ мнѣнію, Москва являлась единственной хранительницей истиннаго православія, третьимъ Римомъ (два Рима,—настоящій и Константинополь—пали, третій—Москва, четвертому же не быть), московскій же князь, — политическимъ и религіознымъ

преемникомъ византійскаго императора. Паденіе татарскаго ига при Іоаннѣ III и бракъ этого князя съ Софьей Палеологъ, племянницей послѣдняго византійскаго императора, окончательно утвердили это мнѣніе.

На помощь политическимъ событіямъ были выведены различныя легенды, въ которыхъ политическое и религіозное значеніе Россіи было тщательно переплетено. Великій князь Московскій въ своихъ сношеніяхъ съ польско-литовскимъ дворомъ началъ называть себя: „государемъ всея Руси“, а въ сношеніяхъ съ неважными иностранными дворами: „царемъ всея Руси“. Царемъ русскіе прежде звали византійскаго императора и хана Золотой Орды.

Во внутреннемъ управленіи къ этому названію сталъ прибавляться титулъ „самодержца“. Съ конца XV вѣка на печатяхъ московскаго государя появился византійскій гербъ—двуглавый орелъ. Русскому обществу необычайно льстило его новое положеніе „Богомъ избраннаго народа“; оно не сознавало, что это положеніе, пріятное для его гордости, должно было пагубно отозваться на его свободѣ. Въ качествѣ преемника византійскаго императора, государь присваивалъ своей власти божественное происхожденіе. Іоаннъ III писался „государемъ Божьею милостью“ и установилъ обычай вѣнчать преемника на царство торжественнымъ церковнымъ обрядомъ, тогда какъ его предшественники просто садились на мѣсто своихъ отцовъ. Въ своей духовной Іоаннъ III далъ старшему сыну своему, Василію, многія важныя преимущества передъ его младшими братьями, такъ что великій князь Василій Ивановичъ сталъ пер-

вымъ государемъ Московскимъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Изъ такого возвышенія великихъ князей ясно вытекало то, что и отношеніе къ нимъ должно было измѣниться.

Свобода удѣльныхъ договоровъ и свобода отъѣзда должны были исчезнуть.

Божественное происхожденіе княжеской власти уничтожало, конечно, и возможность совѣтовъ и порицанія дѣйствій великаго князя. Онъ дѣлался отвѣтственнымъ въ своихъ поступкахъ только передъ Богомъ. Отсюда и начались усобицы между государемъ и боярами. При Іоаннѣ III, во время борьбы двухъ сторонъ по поводу престолонаслѣдія, бояре примкнули къ партіи государева внука Дмитрія противъ Василія, сына Іоанна отъ второй жены, Софьи Палеологъ. Начались ссоры, рѣзкія выходки бояръ, составился даже цѣлый заговоръ. Въ это время московское правительство рѣшительно выступило со своей новой политикой. Начались опалы и казни. Пострадали самыя знатныя боярскія семьи того времени. Одному изъ зачинщиковъ заговора, князю Ряполовскому, отрубили голову, другихъ, князя Патрикѣева съ сыномъ, сослали въ дальніе монастыри.

Смертная казнь, вырываніе языковъ, ссылки сдѣлались обычнымъ пріемомъ правительства. При преемникѣ Іоанна III, Василіи, кары приняли еще болѣе жестокій характеръ.

Мѣры эти имѣли нѣкоторый успѣхъ: недовольство враговъ государевыхъ изъ открытаго раздраженія превратилось въ глухую, подпольную борьбу, но зато оно стало пріобрѣтать все болѣе и болѣе широкое распространеніе. При первой возможности оно вспыхнуло снова. Это произошло

послѣ смерти Василія, во время малолѣтства сына его Іоанна IV, прозваннаго впослѣдствіи Грознымъ. Смуты, поднятыя боярами, наложили неизгладимый отпечатокъ на все царствованіе этого государя. Нервный, впечатлительный, страстный ребенокъ не могъ забыть страшныхъ минутъ, пережитыхъ имъ на зарѣ его жизни; сами бояре воспитали въ немъ своего будущаго палача, который каралъ ихъ не только изъ правительственныхъ побужденій, какъ дѣлали его дѣдъ и отецъ, но и изъ чувства личной ненависти и мести. Іоаннъ IV былъ сыномъ отъ второго брака великаго князя Василія Ивановича съ Еленой Васильевной Глинской, дочерью знатнаго литовскаго вельможи и племянницей царскаго любимца Михаила Глинскаго. Воспитанная совсѣмъ иначе, чѣмъ русскія дѣвицы того времени, Елена настолько сумѣла привлечь къ себѣ сердце уже немолодого женатаго князя, тяготившагося своей бездѣтной женой Соломоніей, что тотъ, заручившись одобреніемъ митрополита и большей части духовенства, велѣлъ постричъ свою супругу и въ 1526 году сочетался вторичнымъ бракомъ. Умная и ловкая княгиня окончательно завладѣла своимъ супругомъ, который любовь свою перенесъ и на родившагося въ 1530 году сына Іоанна. Радость великаго князя при этомъ событіи была тѣмъ сильнѣе, что и второй бракъ его долго оставался безплоденъ.

Разсказываютъ, что въ часъ появленія на свѣтъ будущаго государя по Русской землѣ прокатился страшный громъ, молнія блеснула, а земля поколебалась.

Черезъ два года Елена разрѣшилась отъ бремени вторымъ сыномъ, Юріемъ, а въ 1533 году

Василій Ивановичъ заболѣлъ на охотѣ и по пріѣздѣ въ Москву скончался съ страшныхъ мученіяхъ. Передъ смертью онъ призвалъ къ себѣ своихъ братьевъ, Юрія и Андрея, митрополита и бояръ, поручилъ имъ жену съ малолѣтними дѣтьми и приказалъ вѣрно служить сыну своему, Ивану, — „неподвижно“, какъ служили ему. За малолѣтствомъ новаго государя управленіе перешло въ руки матери его; всѣ дѣла должны были рѣшаться ею вмѣстѣ съ боярской думой.

Бояре почувствовали, что власть попала, наконецъ, имъ въ руки, но надежды ихъ не оправдались. Любимецъ Елены, Иванъ Овчино-Телепневъ-Оболенскій, братъ мамки малолѣтняго государя, стоявшій близко къ княжеской четѣ еще при жизни Василія, сталъ править всѣмъ государствомъ.

Подъ его вліяніемъ Елена приказала бросить въ тюрьму и уморить голодомъ дядю своего Михаила Глинскаго, порицавшаго ея связь съ Телепневымъ.

Та же участь постигла брата покойнаго государя, Юрія; Андрей былъ задушенъ, жена его и сынъ Владиміръ посажены въ тюрьму, многіе бояре казнены. Но въ 1538 году сама Елена была отравлена ненавидѣвшими ее боярами. Правленіемъ завладѣли князья Шуйскіе, во главѣ ихъ сталъ князь Иванъ Петровичъ; они уморили Телепнева, засадили въ тюрьму его сестру. Въ 1540 году Шуйскіе были низвержены, на ихъ мѣстѣ очутился Иванъ Бѣльскій, ихъ врагъ, со своими родственниками. Однако, они не тронули Шуйскихъ, предоставивъ имъ пользоваться свободой. При нихъ былъ освобожденъ двоюродный братъ царскій, Владиміръ Андреевичъ, съ матерью.

Въ 1542 году Иванъ Бѣльскій былъ задушенъ, его мѣсто снова занялъ Иванъ Петровичъ Шуйскій съ родней и Ѳедоромъ Скопинъ-Шуйскимъ. Можно себѣ представить, что переживалъ въ это время только что начинающій подрастать малолѣтній Иванъ. Съ одной стороны, ему постоянно внушали, что онъ рожденъ существомъ высшимъ, исключительнымъ, самодержавнымъ государемъ, съ другой, всѣ его дѣтскія привязанности безчеловѣчно разбивались одна за другой. Мать, любимая мамка, Телепневъ, къ которому онъ былъ привязанъ съ первыхъ дней своей жизни, всѣ они были оторваны отъ него, обречены на гибель. Бояре не стѣснялись присутствіемъ ребенка: на его глазахъ происходили безобразныя сцены, ссоры, драки. Иванъ Петровичъ Шуйскій при немъ клалъ ногу на постель его покойнаго отца, о чемъ впослѣдствіи писалъ самъ Іоаннъ, и, какъ властелинъ съ рабами, обращался съ будущимъ государемъ и его братомъ. Дѣтей плохо кормили и одѣвали; вся царская казна расхищалась боярами нарасхватъ. Пытливый умъ отъ природы даровитаго ребенка требовалъ между тѣмъ пищи, и вотъ мальчикъ съ жадностью прочелъ все, что могъ найти: онъ изучилъ священную исторію, церковную, римскую, лѣтопись, творенія св. отцовъ. Во всемъ онъ искалъ одного доказательства въ пользу своей власти противъ беззаконія слугъ, отнимавшихъ ее у него. Мысль о предстоящей ему страшной, тяжелой борьбѣ не покидала страстнаго, нервнаго мальчика. Плоды боярскаго воспитанія не заставили себя долго ждать. Въ 1544 году молодому государю исполнилось тринадцать лѣтъ. Этотъ годъ ознаменовался первой пролитой имъ кровью. По

совѣту своихъ дядей съ материнской стороны Іоаннъ приказалъ схватить одного изъ Шуйскихъ, Андрея, и отдать его псамъ, которые тотчасъ же растерзали несчастнаго; остальные Шуйскіе были отправлены въ ссылку. Свободное мѣсто заняли Глинскіе.

Попробовавъ крови на Шуйскомъ, Иванъ, подстрекаемый своими дядями и ихъ сообщниками, окончательно предался своимъ жестокимъ наклонностямъ. По его минутному капризу люди предавались пыткамъ и казнямъ; ничто не могло его остановить, никакія привязанности не сдерживали его неистовствъ.

Бывшіе друзья и сверстники молодого государя Трубецкой и Телепневъ, сынъ любимца Елены, были удавлены, Ѳедору Воронцову отрублена голова.

Свои досуги царь наполнялъ тѣмъ, что бросалъ съ крылецъ и вышекъ молодыхъ животныхъ, тѣшась ихъ предсмертными муками, или съ толпой удальцовъ скакалъ по улицамъ Москвы, давя и калѣча народъ.

Глинскіе, ихъ приближенные, забывая объ участи своихъ предшественниковъ, только похваливали своего царственнаго питомца, говоря: „Вотъ будетъ храбрый и мужественный царь“! Иногда, утомленный своими безчинствами, не находя себѣ занятія, Іоаннъ начиналъ разъѣзжать по монастырямъ, часто очень отдаленнымъ. Но не на радость русскому народу были эти поѣздки: окруженный толпой тѣхъ же удальцовъ, государь пьянствовалъ и буйствовалъ, какъ и у себя въ Москвѣ, разрушая и предавая поруганію все, что попадалось на его пути. Достигнувъ семнадцатилѣтняго возраста, 16-го января 1547 года Іоаннъ торже-

ственно вѣнчался царскимъ вѣнцомъ въ Успенскомъ соборѣ, исполняя завѣтное желаніе своего дѣда и отца, не рѣшившихся на этотъ смѣлый поступокъ. Въ томъ же 1547 году царь женился на Анастасіи Романовнѣ Захарьиной-Кошкиной, дочери умершаго боярина Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина, выбравъ ее изъ множества собранныхъ отовсюду дѣвицъ. Однако, женитьба не измѣнила характера Іоанна: онъ продолжалъ вести буйную, развратную жизнь, совершенно не занимаясь дѣлами государства. Всѣмъ управляли Глинскіе, разсадивъ вездѣ своихъ намѣстниковъ. Народъ терпѣлъ всевозможныя несправедливости: повсюду происходили насилія и грабежи. Жаловаться царю никто не рѣшался, такъ какъ онъ подвергалъ пыткамъ и казнямъ осмѣлившихся безпокоить его. 21-го іюня въ Москвѣ вспыхнулъ страшный пожаръ: сгорѣла почти вся Москва, пострадали многія царскія службы, митрополитъ едва успѣлъ спастись подземнымъ ходомъ изъ Кремля. Говорятъ, въ огнѣ погибло 1700 взрослыхъ людей и несчетное количество дѣтей. Большая часть москвичей осталась безъ крова, безъ средствъ, безъ пищи. Несчастные бродили по развалинамъ, разыскивая своихъ ближнихъ, пропавшихъ безъ вѣсти.

Царь, между тѣмъ, находился съ супругой въ Воробьевѣ и нисколько не думалъ о несчастныхъ жертвахъ пожара,—было лишь отдано приказаніе поскорѣе исправить попорченныя огнемъ царскія службы. Это было ужъ слишкомъ, долго сдерживаемое недовольство готово было вылиться наружу. Бояре, ненавидѣвшіе Глинскихъ, воспользовались случаемъ погубить ихъ. Они распустили слухъ среди невѣжественнаго народа, что Глинскіе сво-

мъ чародѣйствомъ устроили пожаръ. На пятый день послѣ пожара огромная толпа бросилась къ Успенскому собору, требуя выдачи чародѣевъ. Анна Глинская, мать Елены, съ сыномъ Михаиломъ находилась въ Ржевѣ, другой изъ братьевъ, Юрій, ничего не подозрѣвая, подъѣхалъ къ собору; услышавъ страшные крики и угрозы, онъ кинулся въ соборъ. Народъ вломился за нимъ, вытащилъ его и убилъ его дубьемъ. Трупъ былъ выброшенъ на торгу. Два дня избивалъ народъ своихъ враговъ, изъ людей и приближенныхъ, но расходившейся толпѣ все было мало. На третій день она хлынула къ Воробьеву, требуя отъ царя выдачи остальныхъ Глинскихъ. Наступила рѣшительная минута, — неприкосновенность и могущество царской власти поколебались. Самоувѣренный царь, убѣжденный въ своей безнаказанности, съ ужасомъ почувствовалъ свою погибель. Преграда, воздвигнутая между нимъ и народнымъ гнѣвомъ, готова была рушиться. Онъ стоялъ одинъ лицомъ къ лицу съ безпощаднымъ судьей. Въ эту страшную для него минуту на помощь къ нему явился протоіерей Благовѣщенскаго собора Сильвестръ, переселившійся въ Москву изъ Новгорода. Ничего неизвѣстно объ его предыдущей жизни, но съ этихъ поръ онъ занялъ выдающееся мѣсто въ Московскомъ государствѣ. Въ потрясающей рѣчи онъ доказалъ испуганному царю, что виной всѣхъ бѣдствій, обрушившихся на Москву, является его порочная жизнь. Въ заключеніе, онъ будто бы поразилъ малодушнаго Ивана какими-то чудесами. Царь, рыдая, далъ обѣщаніе исправиться и во всемъ слушаться своего новаго наставника. Толпу разогнали выстрѣлами. Могущество Глинскихъ рушилось;

полнымъ довѣріемъ царя стали пользоваться Сильвестръ и одинъ изъ молодыхъ людей, которыхъ царь приблизилъ къ себѣ ради забавы, Алексѣй Адашевъ, человѣкъ незначительнаго происхожденія, но необыкновеннаго ума, высокой нравственности и честности. „Если бы“,—говорилъ одинъ изъ его друзей, князь Андрей Михайловичъ Курбскій,—„все подробно описать объ этомъ человѣкѣ, то это показалось бы совсѣмъ невѣроятнымъ посреди грубыхъ людей; онъ, можно сказать, былъ подобенъ ангелу“. Сильвестръ и Адашевъ постарались окружить государя самыми лучшими образованными людьми; таковы были: князья Андрей Курбскій, Воротынскій, Серебряный, Горбатый, Шереметевы и др. Кромѣ этихъ людей знатнаго рода, новые совѣтники царскіе стали разыскивать незнатныхъ, но честныхъ людей и назначать ихъ на разныя должности. Новый кружокъ любимцевъ, прозванный Курбскимъ „избранной радой“, сталъ управлять страной, стараясь, однако, сдѣлать такъ, чтобы царь не замѣчалъ тяготѣвшей надъ нимъ опеки. Пожаръ Москвы, совѣты новыхъ друзей,—все это совершенно перевернуло внутренній міръ Іоанна. Воспріимчивый ко всему дурному, онъ былъ одинаково чувствителенъ и къ добру. Поддерживаемый своими опекунами, онъ рѣшилъ оправдать себя въ глазахъ всего народа. Именемъ государя собрали первый земскій соборъ изъ выборныхъ людей всей Русской земли. Когда выборные съѣхались, въ воскресный день Іоаннъ вышелъ послѣ обѣдни съ крестами на лобное мѣсто вмѣстѣ съ митрополитомъ и духовенствомъ, кланялся народу и каялся въ томъ, что правленіе его было дурно. Однако, всю вину въ этомъ онъ сваливалъ на бояръ, за-

хватившихъ по его молодости власть въ свои руки. „Людіе Божіе, дарованные намъ Богомъ“,—кончилъ онъ свою рѣчь,—умоляю васъ ради вѣры къ Богу и любви къ намъ! Знаю, что нельзя исправить тѣхъ обидъ и разореній, которыя вы понесли во время моей юности и пустоты и безпомощества моего отъ неправедныхъ властей, неправосудія, лихоимства и сребролюбія; но умоляю васъ, оставьте другъ къ другу вражды и взаимныя неудовольствія, кромѣ самыхъ большихъ дѣлъ; а въ этомъ, какъ во всемъ прочемъ, я вамъ буду, какъ есть моя обязанность, судьей и обороной“.— Въ тотъ же день Іоаннъ пожаловалъ въ окольничіе Адашева и поручилъ ему принимать челобитныя, говоря: „Не бойся сильныхъ и славныхъ, насилующихъ бѣдняковъ и погубляющихъ немощныхъ. Но не вѣрь и ложнымъ слезамъ бѣднаго, который напрасно клевещетъ на богатаго. Все разсматривай съ испытаніемъ и доноси мнѣ истину, боясь суда Божія“. Такъ кончилось правленіе боярское. Во время вліянія на Іоанна избранной рады былъ составленъ новый судебникъ. Его составленіе было вызвано насущной потребностью охранить народъ отъ произвола правителей и судей. Мы видимъ изъ судебника, что въ то время государственное правосудіе и управленіе сосредоточивались въ столицѣ, гдѣ существовали приказы, къ которымъ были приписаны русскія земли. Въ нихъ судили бояре и окольничіе, дѣла вели дьяки, а подъ вѣдомствомъ дьяковъ состояли подъячіе. Вся земля дѣлилась на города и волости; городъ и волость составляли уѣздъ. Въ городахъ и волостяхъ управляли намѣстники и волостели. Они получали города и волости себѣ въ „кормленіе“, т. е. въ

Городская

пользованіе. Судъ былъ ихъ доходной статьей и передавался имъ отъ государя вмѣсто жалованья. Въ управленіи имъ помогали ихъ довѣренные: тіуны. Въ судѣ намѣстниковъ принимали участіе всевозможные дьяки и пристава. Все это вмѣстѣ составляло государевъ судъ, но, помимо него, существовалъ другой, выборный, народный, земскій. Представителями его являлись въ городахъ городовые и дворскіе приказчики, а въ волостяхъ старосты и цѣловальники. Выбранные волостью старосты и цѣловальники должны были сидѣть на судѣ намѣстниковъ и волостелей; у нихъ, какъ и послѣднихъ, были свои земскіе дьяки и подъячіе. Всякое дѣло, производившееся въ судѣ, писалось въ двухъ экземплярахъ, одна сторона провѣряла другую. Важныя уголовныя дѣла велись особыми губными старостами, которые избирались всѣмъ уѣздомъ. Власть ихъ была велика, и всѣ должны были подчиняться ихъ суду. Такимъ образомъ, мы видимъ, что на Руси существовало два вида судебной власти: государственный и земскій. Составители судебника особенное вниманіе обратили на то, чтобы оградить народъ отъ произвола намѣстниковъ и волостелей, злоупотреблявшихъ часто своею властью, а для этого по возможности устранить земство отъ государственнаго суда. Важнѣйшимъ средствомъ для этого было уничтоженіе отдачи въ кормленіе городовъ и волостей и, по возможности, замѣна этого способа уплаты жалованья раздачей помѣстій. Уставныя грамоты того времени, опредѣляющія мѣстное управленіе отдѣльныхъ областей, привели къ концу намѣченное судебникомъ: управленіе намѣстниковъ и волостелей совершенно замѣнилось предоставленіемъ жите-

лямъ права самимъ судиться и управляться посредствомъ выборныхъ лицъ, излюбленныхъ старостъ. За это право въ царскую казну вносилась откупная сумма, какъ бы оброкъ.

Для обсужденія всевозможныхъ дѣлъ, касающихся управленія и суда, всѣ сословія, начиная съ князей и кончая крестьянами, устраивали въ уѣздахъ сходбища, куда посылали своихъ выборныхъ. Каждый могъ говорить на этихъ собраніяхъ и предлагать свои мѣры для уничтоженія той или другой неправды. Никакихъ судныхъ пошлинъ при новомъ судопроизводствѣ ни съ кого не взималось; всякій могъ безвозмездно прибѣгать къ помощи правосудія. Всякая неправильность и взяточничество строго наказывались. Такимъ образомъ, мы видимъ, что новое законодательство особенно стремилось къ развитію общинности и самодѣятельности русскаго народа, хотя, конечно, оно не могло достигнуть полной независимости земскихъ учрежденій; иногда при запутанныхъ вопросахъ въ дѣло вмѣшивались царскіе чиновники, сами выборныя власти часто находились въ рукахъ послѣднихъ, вслѣдствіе различныхъ дарственныхъ повинностей.

Большое вниманіе новое правленіе обратило также на благоустройство церкви. Въ 1551 году былъ созванъ церковный соборъ. Послѣ смиренной, покаянной рѣчи, произнесенной Іоанномъ, отъ его имени было предложено собору сто вопросовъ, на которые были получены отвѣты, заключающіе въ себѣ церковные приговоры. Такъ какъ вопросовъ и отвѣтовъ было сто, то и соборъ этотъ носитъ названіе Стоглава. Въ то время какъ судъ духовный, такъ и духовное

управленіе страдали большими злоупотребленіями. Сельскіе священнослужители много терпѣли отъ притѣсненій владычныхъ бояръ, намѣстниковъ, дьяковъ, которые судили въ епархіи и обо всемъ докладывали владыкѣ. Соборъ не рѣшилъ отмѣнить окончательно этого суда, но велѣлъ присутствовать на немъ старостамъ и десятскимъ, избираемымъ изъ священниковъ. Всякое дѣло, какъ и въ свѣтскомъ судѣ, писалось въ двухъ экземплярахъ для того, чтобъ одна сторона провѣряла другую.

Вообще, для церковнаго суда и управленія образцомъ послужило управленіе намѣстниковъ и волостелей въ земскомъ дѣлѣ. Стоглавъ обратилъ также вниманіе на книги и школы. Тогда книги переводились очень плохо, а все написанное по невѣжеству относилось къ церкви и приписывалось отцамъ ея, что вызывало множество недоразумѣній. Стоглавъ учредилъ особую цензуру, поручивъ поповскимъ старостамъ и десятскимъ слѣдить за всѣмъ написаннымъ. Относительно школъ было рѣшено поручить избраннымъ духовнымъ лицамъ открывать ихъ въ своихъ домахъ, православные же христіане приглашались отдавать своихъ дѣтей въ обученіе грамотѣ, письму и церковному пѣнію. Главнымъ вопросомъ, занимавшимъ Стоглавый соборъ, былъ вопросъ о монастыряхъ. Большинство изъ нихъ пользовались громадными доходами, были надѣлены богатыми селами и вслѣдствіе этого являлось какъ бы прибыльной арендой для ихъ архимандритовъ и игуменовъ, которые, злоупотребляя своей властью, пользовались для своихъ выгодъ монастырскимъ имуществомъ и заставляли молчать подчиненныхъ. Окру-

женные своими любимцами и родней, настоятели предавались пирамъ и разгулу, между тѣмъ какъ братія и священнослужители подчиненныхъ селъ терпѣли жестокую нужду. Соборъ осудилъ всѣ эти злоупотребленія и постановилъ предѣлъ увеличенію церковныхъ вотчинъ. Архіереи и монастыри не смѣли покупать вотчинъ безъ царскаго согласія, а служилые люди отдавать ихъ монастырямъ. Всѣ вотчины, отданныя монастырямъ во время боярскаго управленія, положено было отобрать. Таковы были внутреннія преобразованія во время первыхъ годовъ царствованія Іоанна; не менѣе важны были и внѣшнія дѣла государства въ это славное время. Первымъ изъ нихъ было покореніе Казанскаго царства, которое было основано въ 1437 году татарскимъ ханомъ Улу-Махметомъ, изгнаннымъ своимъ братомъ изъ Золотой Орды, удалившимся въ городокъ Казань, на берегу Волги, и соединившимъ подъ своею властью жившія тутъ племена камскихъ болгаръ, мордвы, чувашей, черемисовъ и др.

Царство это своими набѣгами, по выраженію современниковъ, „допекало Русь хуже Батыева разоренія. Батый только одинъ разъ протекъ Русскую землю, словно горящая головня, а казанцы безпрестанно нападали на русскія земли, жгли, убивали и таскали людей въ плѣнъ“. Доказательствомъ громадной важности покоренія Казани является то обстоятельство, что всѣ московскіе князья по очереди положили на это массу усилій, до тѣхъ поръ не приведшихъ ни къ чему. Прадѣдъ Іоанна, великій князь Василій Васильевичъ, по прозванію Темный, попалъ даже въ плѣнъ къ первому казанскому хану Улу-Махмету, ко-

торый освободилъ его только послѣ полученія громаднаго выкупа.

Іоаннъ III велъ также долгую и упорную борьбу съ Казанскимъ царствомъ; первые предпринятые имъ походы были направлены противъ него, но долго они не приводили ни къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ; правда, непріятельскія области были сильно опустошены, но и русскіе несли громадныя потери какъ людьми, такъ и деньгами.

Только возникшія въ Казани внутреннія междоусобицы дали, наконецъ, возможность московскому князю утвердить здѣсь рѣшительно свое вліяніе. Казанцы обязались платить ему извѣстную подать, а русскіе, томившіеся въ плѣну, были отпущены; но такое положеніе дѣлъ продолжалось недолго.

Въ концѣ княженія Ивана III Казанское царство снова отложилось отъ Москвы, а смерть этого князя дала возможность татарамъ наслаждаться своимъ торжествомъ. Во время княженія Василія Ивановича борьба съ Казанью продолжалась.

На казанскій престолъ былъ посаженъ подручный московскаго князя ханъ Шигъ-Алей. Но тутъ противъ Москвы поднялись крымскіе татары, отдѣлившіеся отъ Золотой Орды тоже въ XV вѣкѣ.

Ханы у нихъ были изъ рода Гиреевъ. Царствовавшій въ то время ханъ Махметъ-Гирей желалъ посадить на казанскій престолъ брата своего Саипъ-Гирея. Этотъ послѣдній отправился съ войскомъ къ Казани, заставилъ казанцевъ измѣнить Шигъ-Алею и признать его своимъ царемъ. Махметъ-Гирей, между тѣмъ, пошелъ прямо на Москву. Московское войско, выставленное противъ него, бѣжало, а самъ великій князь, покинувъ столицу,

пошелъ на востокъ собирать новую рать. Съ большимъ трудомъ удалось, наконецъ, русскимъ прогнать крымскихъ татаръ. Крымцы и казанцы захватили, однако, множество русскихъ плѣнныхъ; русскіе купцы и княжескій посолъ, находившіеся въ Казани, были убиты. Къ счастію для русскихъ Саипъ-Гирей по смерти своего брата скоро возвратился въ Крымъ, оставивъ на казанскомъ престолѣ своего тринадцатилѣтняго племянника Сафа-Гирея. Москвѣ былъ предложенъ миръ, который она была принуждена принять. Однако, чтобы нѣсколько стѣснить Казань и подорвать ея торговлю, Василій построилъ на казанской землѣ городъ Васильсурскъ на р. Сурѣ. Къ концу царствованія Василія Ивановича казанцы изгнали Сафа-Гирея и снова отдались подъ власть хана, назначеннаго московскимъ княземъ. На этотъ разъ это былъ братъ Шигъ-Алея, Еналей. Вслѣдствіе двухъ постоянныхъ вліяній—русскаго и крымскаго въ Казани постепенно образовались двѣ партіи: одна стояла за подчиненіе Москвѣ, другая за соединеніе всѣхъ ордъ татарскихъ и полнѣйшую самостоятельность.

Послѣ смерти Василія царь Еналей и московская партія остались вѣрны его малолѣтнему сыну, но враждебная сторона убила Еналея и снова посадила Сафа-Гирея, за котораго стояли горой крымскіе татары во главѣ съ Саипъ-Гиреемъ. Вести войну съ ними одновременно Московское государство не рѣшалось, а татары, между тѣмъ, нападали на русскія земли, грабили ихъ и уводили плѣнныхъ, которыхъ страшно мучили и продавали въ рабство въ Турцію. Терпѣть дольше такое положеніе вещей становилось невозможнымъ.

Между тѣмъ, злой недругъ русскихъ, Сафа-Гирей, умеръ, оставивъ малолѣтняго сына, Утемишъ-Гирея, и его мать, Сююнъ-Бекъ. Время дѣйствовать наступило. Въ 1550 году, по примѣру отца своего, Іоаннъ построилъ на землѣ казанской городъ Свіяжскъ на рѣкѣ Свіягѣ. Построеніе Свіяжска и отпаденіе горной стороны настолько усилило московскую партію въ Казани, что въ августѣ 1551 г. Утемишъ-Гирей съ матерью были выданы русскимъ, и казанцы снова позвали Шигъ-Алея, надѣясь, что за это русскіе возвратятъ захваченныя ими земли. Шигъ-Алей былъ посаженъ на престолъ, всѣ русскіе плѣнные въ количествѣ 60.000 освобождены, но нагорный берегъ Волги, занятый русскими, остался за ними. Это усилило сторону, враждебную Москвѣ; многіе казанцы задерживали у себя русскихъ плѣнныхъ, которыхъ они обязались отпустить, заковывали ихъ, прятали въ ямы. Составился цѣлый заговоръ противъ хана, преданнаго Москвѣ.

Шигъ-Алей зналъ о грозившей ему опасности.

Онъ созвалъ значительнѣйшихъ заговорщиковъ въ количествѣ 70 человѣкъ къ себѣ на пиръ и всѣхъ перебилъ съ помощью находившихся при немъ русскихъ стрѣльцовъ. Оставшіеся въ живыхъ бросились въ Москву, прося защиты отъ своего хана. Въ Казань былъ отправленъ Алексѣй Адашевъ для переговоровъ, но онъ не добился ничего и возвратился въ Москву. А ненависть къ Шигъ-Алею въ Казани послѣ устроеннаго имъ кроваваго пира все росла и росла. Въ 1552 году враждебные Шигъ-Алею князья рѣшили ѣхать въ Москву просить Іоанна отъ имени всего царства

взять Казань въ подданство и посадить въ нее своего намѣстника, но избавить ее отъ ненавистнаго хана. Мысль эта понравилась въ Москвѣ. Адашевъ снова пріѣхалъ въ Казань, свелъ съ престола Шигъ-Алея и, захвативши съ собою 84 противныхъ ему вельможъ, уѣхалъ въ Свіяжскъ, объявивъ казанцамъ, что царь пришлетъ имъ своего намѣстника. Казанцы приняли это извѣстіе, повидимому, спокойно, лучшіе люди по приглашенію назначеннаго намѣстника, князя Микулинскаго, поѣхали въ Свіяжскъ, остальные присягнули у себя, въ Казани. Но какъ только намѣстникъ съ другими боярами подъѣхалъ къ городу, казанцы заперлись, не пустили русскихъ и кричали имъ со стѣнъ: „Ступайте, дураки, въ свою Русь; напрасно не трудитесь; мы вамъ не сдадимся; мы у васъ еще Свіяжскъ отнимемъ, что вы поставили на чужой землѣ!“ Простоявши полтора дня подъ Казанью, воеводы вернулись въ Свіяжскъ. Царь получилъ это извѣстіе 24 марта. Былъ созванъ военный совѣтъ и на немъ рѣшено собрать сильную рать, больше 100.000 человѣкъ, и покончить навсегда съ непріязненнымъ царствомъ. Самъ Іоаннъ долженъ былъ отправиться въ походъ, хотя впослѣдствіи онъ и сознавался, что это было рѣшено противъ его воли. Въ своемъ письмѣ къ Курбскому онъ писалъ нѣсколько лѣтъ спустя: „Вы меня, какъ плѣнника, посадивши въ судно, повезли сквозь безбожную и невѣрную землю. Если бы не всемогущая десница Божія защитила мое смиреніе, то я бы непремѣнно лишился жизни“. Въ Казани, между тѣмъ, всѣ враждебныя стороны слились вмѣстѣ, воодушевленныя общею ненавистью къ завоевателямъ-

русскимъ; даже покоренныя дикія племена измѣнили Московскому государству. На казанскій престолъ былъ призванъ изъ Астраханскаго царства, оставшагося послѣ Золотой Орды, ногайскій царевичъ Едигеръ съ 10.000 ногайскихъ татаръ. Положеніе русскихъ становилось затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что среди ихъ войска распространились заразныя болѣзни, а съ юга на нихъ наступалъ крымскій ханъ Девлетъ-Гирей. Онъ былъ, однако, разбитъ подъ Тулою, и 20 августа 1525 года началась осада Казани. 150,000 войска съ 150 пушками обложили Казань, защищенную только деревянными стѣнами, но за этими стѣнами находилось 30.000 отборнаго войска, пылавшаго ненавистью къ осаждавшимъ. 23 августа начались сшибки съ осажденными. Въ самомъ началѣ осады страшная буря налетѣла на русскій лагерь, сломала шатры, въ томъ числѣ и царскій, разбила на Волгѣ много судовъ съ припасами. Тѣмъ не менѣе, осадныя работы шли безостановочно; способъ осады заключался въ томъ, что русскіе поставили кругомъ города деревянные туры на колесахъ, снабженные пушками, и все ближе и ближе подвигались къ городскимъ стѣнамъ. Отъ безпрерывной пальбы въ городѣ гибло множество людей, загорались многія зданія. Казанцы дѣлали отчаянныя вылазки, но каждый разъ русскіе вгоняли ихъ обратно въ городъ. Одновременно съ тыла на русскій лагерь стали нападать отряды черемисовъ и чувашей; войска страдали недостаткомъ пищи; цѣлыя ночи ратники принуждены были не спать, охраняя свою жизнь и орудія, а казанцы нарочно пугали суевѣрныхъ противниковъ: они выходили на стѣны и своими

чарами будто бы нагоняли дождь. „Бывало,— разсказываетъ Курбскій:—солнце восходитъ, день ясный; мы видимъ: взойдутъ на стѣны старики и старухи, машутъ одеждами, произносятъ какія-то сатанинскія слова и неблагочинно вертятся; вдругъ поднимется вѣтеръ и прольется такой дождь, что самыя сухія мѣста обратятся въ болота“. Какъ видно, подходила осень со своими дождями. Дѣло рѣшилъ нѣмецкій розмыслъ, т.-е. инженеръ, который по приказанію воеводъ сдѣлалъ подкопы и заложилъ порохъ, сначала подъ тайникъ, откуда казанцы доставали воду и который взлетѣлъ на воздухъ 4 сентября, а потомъ подъ стѣны. Общій приступъ былъ назначенъ на воскресенье, 2 октября. 1 октября во всѣхъ полкахъ велѣно было исповѣдываться и пріобщаться. Въ Казань тѣмъ временемъ былъ отправленъ посолъ съ предложеніемъ, чтобы казанцы били челомъ государю, отдались въ его волю и выдали-бъ измѣнниковъ; за это имъ обѣщалось государево прощенье. Казанцы единогласно отвѣчали:—„Не бьемъ челомъ! На стѣнахъ Русь, на башнѣ Русь— ничего: мы другую стѣну поставимъ и всѣ умремъ или отсидимся“. Въ ночь съ 1 на 2 октября казанскія стѣны были разрушены взрывомъ; русскіе ворвались въ городъ; татары отчаянно сопротивлялись; на каждой улицѣ города продолжался бой, пока не осталось въ живыхъ ни одного изъ защитниковъ Казани. Самъ царь не участвовалъ въ битвахъ, а только торжественно въѣхалъ въ покоренный городъ, наполненный трупами. Казанскій царь Едигеръ былъ взятъ въ плѣнъ. Онъ поклонился побѣдителямъ и изъявилъ желаніе креститься. Задержанные казанцами русскіе плѣнные

съ восторгомъ встрѣтили своихъ избавителей. Казань была покорена, но бояре опасались, что пройдетъ еще много времени прежде, чѣмъ разнородныя племена, населявшія Казанское царство, пріучатся къ повиновенію. Для облегченія этой задачи они старались удержать Іоанна на цѣлую зиму въ Казани, но молодой государь былъ иного мнѣнія: его тянуло назадъ, въ Москву. Не слушая своихъ заботливыхъ опекуновъ, онъ распорядился безъ ихъ вѣдома и, отправивъ конную рать берегомъ по непролазной грязи, 11 октября пустился самъ въ обратный путь на судахъ по Волгѣ. Въ Казани были оставлены намѣстниками князья Горбатый и Серебряный.

Въ Москвѣ царя ожидали торжественныя встрѣчи и радостное извѣстіе: царица Анастасія благополучно разрѣшилась отъ бремени сыномъ Дмитріемъ. 8-го, 9-го и 10-го ноября царь устраивалъ пиры для знатнаго духовенства и вельможъ. Три дня раздавались дары митрополиту и владыкамъ и награды воеводамъ и воинамъ, начиная съ двоюроднаго брата царскаго, Владиміра Андреевича, и кончая послѣднимъ сыномъ боярскимъ: кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій, роздано было деньгами, платьемъ, сосудами, доспѣхами и конями 48.000 рублей. Опасенія царскихъ совѣтниковъ относительно дикихъ племенъ, населяющихъ завоеванное Казанское царство, начали, однако сбываться: среди нихъ стали подниматься мятежи, которые удалось усмирить окончательно только послѣ пяти лѣтъ упорной борьбы; много помогло этому учрежденіе въ 1553 году казанской епархіи, первымъ архіепископомъ которой былъ назначенъ Гурій, игуменъ Селижаровскаго

монастыря, нынѣшней Тверской губерніи, чрезвычайно любимый своей паствой. Во время набѣговъ дикихъ племенъ имъ усиленно помогали ногайскіе татары, населявшіе Астраханское царство, которые не могли простить русскимъ покоренія Казани. Чувствовалась настоятельная необходимость покончить съ Астраханью такъ же, какъ было покончено съ Казанью, тѣмъ болѣе, что устье Волги, находившееся теперь въ рукахъ русскихъ было еще въ рукахъ татаръ. Между тѣмъ во дворцѣ снова зарождались смуты и недовольство. Зависимое положеніе начинало тяготить царя, неожиданный случай раздулъ вспыхнувшее въ его груди раздраженье. Вскорѣ по своемъ возвращеніи изъ казанскаго похода въ 1553 году Іоаннъ опасно занемогъ горячкой. По совѣту братьевъ онъ рѣшилъ написать духовную и взять клятву въ вѣрности сыну Дмитрію съ двоюроднаго брата князя Владиміра Андреевича и бояръ. Но, когда въ царской столовой палатѣ бояре были собраны для присяги, многіе изъ нихъ отказались присягать.

Ѳедоръ Адашевъ, отецъ царскаго любимца, смѣло сказалъ больному государю: „мы рады повиноваться тебѣ и твоему сыну, но сынъ твой еще въ пеленкахъ, владѣть нами будутъ Захарьины, а мы ужъ отъ бояръ въ твое малолѣтство бѣды видѣли многія“.

Въ палатѣ поднялся страшный шумъ и крикъ. Цѣлый день спорили бояре и не пришли ни къ какому рѣшенію. Среди отказавшихся присягать былъ и Владиміръ Андреевичъ. Это больше всего смутило больного государя, вообразившаго, что бояре хотятъ посадить его на царство. На слѣ-

дующій день Иванъ снова призвалъ къ себѣ всѣхъ бояръ и сталъ уговаривать ихъ присягнуть сыну; присягнувшимъ же Мстиславскому и Воротынскому онъ сказалъ: „не дайте боярамъ извести моего сына, бѣгите съ нимъ въ чужую землю, куда Богъ укажетъ“. „А вы, Захарьины“, обратился онъ къ родственникамъ жены: „чего испугались? Или думаете, что бояре васъ пощадятъ? Вы отъ нихъ первые мертвецы“. Понемногу всѣ бояре стали подходить къ кресту. Присягнулъ и Владиміръ Андреевичъ. Разсказываютъ, что бояре силою заставили его присягнуть, говоря, что иначе не выпустятъ его изъ дворца. Неизвѣстно, хотѣли ли бояре въ самомъ дѣлѣ по смерти Ивана посадить на престолъ его двоюроднаго брата, но многочисленные враги послѣдняго обвинили его въ этомъ. Въ числѣ приверженцевъ князя Владиміра оказались Сильвестръ, Адашевъ, Курбскій и другіе совѣтники царя. Иванъ не умеръ, а выздоровѣлъ. Онъ не показывалъ вида, что помнитъ о случившемся, но чувство непримиримой злобы, развившееся въ немъ во время правленія бояръ, вспыхнуло съ новой силой въ глубинѣ его души.

Особенно поразило его заступничество Сильвестра и Адашева за князя Владиміра. Къ вельможамъ Иванъ всегда питалъ недовѣріе и вражду, но этихъ двухъ людей онъ приблизилъ къ себѣ, возвысилъ ихъ надъ остальными, искренно любилъ ихъ и довѣрялъ имъ во всемъ, а они, опасаясь могущества Захарьиныхъ, обрекли на гибель его семью. Довѣріе къ нимъ Іоанна поколебалось навсегда, всѣ мелкіе уколы самолюбія, все скрытое недовольство, накопившееся за время правленья „избранной рады“, обратилось въ одно

всепоглощающее чувство ненависти. Только воспоминаніе о своей безпомощности во время страшныхъ дней московскаго пожара, боязнь ихъ повторенія да невозможность обвинить своихъ опекуновъ и бояръ въ явной измѣнѣ заставляли еще сдерживаться государя. Но чѣмъ больше скрывалъ онъ свою ненависть, тѣмъ сильнѣе овладѣвала она его душой. Нѣсколько лѣтъ еще, однако, повиновался онъ своимъ опекунамъ, не рѣшаясь дать полной воли волновавшимъ его чувствамъ. Во время своей болѣзни Іоаннъ далъ обѣтъ ѣхать по выздоровленіи на богомолье въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и дѣйствительно въ началѣ весны онъ сталъ собираться въ путь съ женою и маленькимъ сыномъ. У Троицы, куда заѣхалъ царь, жилъ въ это время знаменитый Максимъ Грекъ, монахъ съ Аѳона, призванный великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ въ Москву для приведенія въ порядокъ его библіотеки, а также для исправленія церковныхъ книгъ.

Исполняя дѣло, для котораго онъ былъ призванъ, Максимъ въ тоже время писалъ сочиненія, въ которыхъ смѣло обличалъ пороки, суевѣрія и невѣжество, царившіе въ то время на Руси, чѣмъ нажилъ себѣ многочисленныхъ враговъ какъ среди свѣтскаго общества, такъ и среди духовенства. Обвиненный въ ереси, онъ былъ заточенъ въ монастырь и освобожденъ уже въ царствованіе Іоанна. Узнавъ теперь о намѣреніи государя, онъ сталъ уговаривать его не ѣздить въ такой далекій путь, особенно съ женой и новорожденнымъ сыномъ.

„Богъ вездѣ“, сказалъ онъ: „угождай Ему лучше на престолѣ; послѣ казанскаго завоеванія осталось

много вдовъ и сиротъ, надобно ихъ утѣшать". Опекуны Іоанна были одного мнѣнія съ Максимомъ, но не безъ причины опасались они поѣздки царя по монастырямъ: во многихъ изъ нихъ находились послѣдователи Іосифа Волоцкаго, жившаго при Іоаннѣ III, такъ называемые „осифляне", которые отличались угодливостью свѣтской власти, готовностью поддерживать самовластныя стремленія московскихъ государей и умѣньемъ щекотать ихъ дурныя склонности. Совѣтники Іоанна предвидѣли, какое пагубное вліяніе могла имѣть на воспріимчивую природу Іоанна встрѣча съ однимъ изъ „осифлянъ".

Государь, между тѣмъ, упорствовалъ въ своемъ намѣреніи. „Если не послушаешься меня, по Богѣ тебѣ совѣтующаго, и съ упрямствомъ поѣдешь, то знай, что сынъ твой умретъ по дорогѣ". Ивана не смутили эти слова, и онъ продолжалъ свой путь. Опасенія его совѣтниковъ сбылись.

Въ Пѣсношскомъ монастырѣ царь увидался съ однимъ изъ самыхъ рьяныхъ осифлянъ, любимцемъ его покойнаго отца, бывшимъ коломенскимъ владыкой Вассіаномъ. „Какъ я долженъ царствовать, чтобъ вельможъ своихъ держать въ послушаніи?" спросилъ его Іоаннъ. Вассіанъ отвѣчалъ ему: „Если хочешь быть настоящимъ самодержцемъ, не держи около себя ни одного совѣтника, который былъ бы умнѣе тебя; ты всѣхъ лучше. Если же будешь имѣть при себѣ людей умнѣе себя, то поневолѣ будешь ихъ слушаться".

Слова эти запали въ сердце государя. Онъ поцѣловалъ руку Вассіану и сказалъ: „если бы отецъ родной былъ бы живъ, такъ и тотъ не сказалъ бы мнѣ ничего лучшаго".

Дурныя предчувствія царскихъ совѣтниковъ сбывались, но сбылись и предсказанія Максима Грека: маленькій царевичъ умеръ во время поѣздки. Это страшно поразило Іоанна и нѣсколько еще удержало его на томъ скользкомъ пути, по которому его влекли его разгоравшіяся страсти.

Пользуясь пока своимъ вліяніемъ, правители успѣли еще исполнить нѣкоторыя намѣченныя имъ важныя дѣла: въ 1556 году была покорена Астрахань, находившаяся въ рукахъ ногайскихъ князей.

Такимъ образомъ русскіе обезопасили себя вполнѣ съ востока отъ татарскихъ набѣговъ и могли безпрепятственно торговать по всему теченію Волги, что очень повліяло на развитіе торговли.

Приблизительно въ то же время у русскихъ завязались торговыя сношенія съ Англіей.

Въ 1553 году въ Москву явился Ричардъ Ченслеръ, начальникъ англійскаго корабля, посланнаго открывать новый путь въ Индію и Китай и приставшаго въ устьѣ Сѣверной Двины. Ченслеръ представилъ грамоту короля англійскаго Эдуарда VI, написанную ко всѣмъ владыкамъ сѣверныхъ странъ, и былъ встрѣченъ какъ нельзя лучше. Царь отвѣчалъ Эдуарду письменно и позволилъ свободно торговать въ Россіи. Съ тѣхъ поръ между обоими государствами завязались дружественныя сношенія; ежегодно англійскіе корабли приходили въ Бѣлое море, пустынные берега котораго оживились. Закипѣла новая торговая жизнь.

Въ Россію стали пріѣзжать въ большомъ количествѣ англійскіе художники и мастера.

Русскіе, отставшіе отъ Западной Европы подъ давленіемъ татарскаго ига и начавшіе немного

городская НЭС 3

сближаться съ ней только во время княженія Іоанна III, познакомились теперь со многимъ тѣмъ, о чемъ они не имѣли понятія. Они стали замѣчать, какъ много имъ недоставало, какъ далеко ушли отъ нихъ впередъ другія государства и какъ необходимо всему научиться у нихъ, но Бѣлое море, большую часть года покрытое льдомъ, являлось плохимъ путемъ сообщенія съ Западной Европой, и взоры и помыслы русскихъ невольно обратились къ Балтійскому морю. Берега его принадлежали въ то время Швеціи, Ливоніи и Польшѣ; государства эти всѣми силами старались оградить Россію отъ иностраннаго вліянія, опасаясь, что, усвоивъ плоды западно-европейской образованности, она бы не стала черезчуръ могущественной. Чтобы помѣшать этому, враждебные сосѣди даже задерживали заграничныхъ ученыхъ и мастеровъ по дорогѣ въ Россію. Этотъ пріемъ былъ особенно въ ходу въ Ливоніи, которая больше всѣхъ боялась русскихъ, какъ наиболѣе слабое изъ сосѣднихъ государствъ; на нее-то и устремились взгляды Іоанна, рѣшившагося проложить себѣ путь къ Балтійскому морю. Ливонское государство занимало землю между Финскимъ заливомъ и Западной Двиной, было заселено финскими и литовскими племенами и входило до половины XII вѣка въ составъ областей, принадлежащихъ дому Рюрика. Ярославъ Мудрый построилъ на этой землѣ городъ Юрьевъ, впослѣдствіи переименованный въ Дерптъ.

Край этотъ принадлежалъ новгородцамъ и полоцкимъ князьямъ, когда въ XII вѣкѣ въ устье З. Двины заѣхалъ нѣмецкій корабль изъ Бремена, и нѣмецкіе купцы завязали постоянныя торговыя сношенія съ туземными племенами. Съ дозволенія

полоцкихъ князей присланный бременскимъ архіепископомъ монахъ Мейнгардъ основалъ здѣсь нѣмецкій укрѣпленный городокъ Динагольмъ и былъ назначенъ первымъ ливонскимъ епископомъ. Когда финскія и литовскія племена стали возставать противъ нѣмецкаго владычества и вѣры, которую имъ насильно навязывали, для усмиренія ихъ явилось нѣмецкое крестоносное ополченіе во главѣ съ епископомъ Альбертомъ Буксгевденомъ, построило здѣсь въ 1201 году городъ Ригу и основало ливонскій духовно-рыцарскій орденъ. Рыцари съ оружіемъ въ рукахъ старались подавить возмущеніе туземныхъ племенъ и обратить ихъ въ протестантство; по всей завоеванной странѣ были построены крѣпкіе замки. Дикіе туземцы принуждены были покориться и скоро превратились въ крѣпостныхъ своихъ завоевателей. Новгородцы и полоцкіе князья нѣсколько разъ пытались прогнать пришельцевъ, но тщетно. Въ XIII же вѣкѣ по сосѣдству съ ливонцами, между Нѣманомъ и Вислой, основался другой духовно-рыцарскій орденъ Тевтонскій. Соединившись вмѣстѣ, оба ордена начали наступать на русскія земли и заняли Псковъ, но были разбиты въ 1242 году новгородскимъ княземъ Александромъ Невскимъ на льду Чудскаго озера и были вынуждены возвратить взятый ими городъ.

Въ XIV вѣкѣ ливонцы пріобрѣли Эстляндію съ городомъ Ревелемъ, основаннымъ датчанами въ XIII вѣкѣ. Но покоренныя племена продолжали враждебно относиться къ своимъ завоевателямъ и къ ихъ вѣрѣ, а среди тѣхъ происходили постоянные раздоры, ослаблявшіе государство, главнымъ образомъ между архіепископомъ Рижскимъ и магистромъ, начальникомъ ордена; самъ же орденъ

больше не пополнялся пришельцами изъ Германіи.

Въ 1547 году по порученію Іоанна въ Германіи было набрано 123 человѣка ученыхъ и мастеровъ, чтобы ѣхать въ Москву, но всѣ они были задержаны ливонцами, а одинъ изъ нихъ, пытавшійся тайно бѣжать въ Россію, схваченъ и даже казненъ. Немудрено, что, кромѣ сознанія необходимости пріобрѣсти доступъ къ Балтійскому морю, Іоанна толкало къ войнѣ съ Ливоніей чувство неудовлетворенной мести. Въ 1554 году русское правительство потребовало съ ливонцевъ дани, которую они обязаны были платить по первоначальному договору съ Россіей и очень давно не платили. Тѣ обѣщали заплатить всѣ недоимки, но въ 1557 году явились въ Москву ливонскіе послы безъ денегъ и съ просьбой, чтобы дань была сложена. Разсерженный Іоаннъ не допустилъ къ себѣ пословъ, а Адашевъ сказалъ имъ, что такъ какъ ливонцы нарушили договоръ, то царь будетъ „искать“ на нихъ. Въ концѣ 1557 года въ Ливонію было отправлено 40.000-е русское войско подъ начальствомъ царя Шигъ-Алея, царицына брата Даніила Романовича, Михаила Васильевича Глинскаго и др. воеводъ; въ январѣ 1558 года оно вступило въ Ливонію. Война началась очень успѣшно: взято было двадцать городовъ, на двѣсти верстъ вокругъ было все опустошено, магистръ ордена Фирстенбергъ былъ взятъ въ плѣнъ, русскіе захватили громадную добычу. Совершивъ такой блистательный походъ, воеводы, по тогдашнему обычаю, отправились осенью въ Москву, оставивъ гарнизоны въ завоеванныхъ городахъ. Этимъ воспользовался новый магистръ ордена Кет-

леръ; онъ собралъ войско въ 10.000 человѣкъ и разбилъ русскихъ, но въ 1559 году 130.000-е московское войско разбило ливонцевъ при Тирзенѣ и уже безъ сопротивленія опустошало всю землю съ одного края до другого, не щадя ни женщинъ ни дѣтей. Но не всѣ совѣтники царскіе сочувствовали этой войнѣ: Сильвестръ, Адашевъ и Курбскій уговаривали Іоанна раздѣлаться поскорѣе съ крымской ордой, нападавшей на Россію съ юга, тѣмъ болѣе, что на помощь русскимъ явились днѣпровскіе казаки подъ предводительствомъ Димитрія Вишневецкаго. Не рѣшаясь вполнѣ ослушаться своихъ опекуновъ, въ 1557 году Иванъ послалъ на помощь Вишневецкому отрядъ подъ начальствомъ дьяка Ржевскаго, который, соединившись съ казаками, разбилъ татаръ и присоединившихся къ нимъ турокъ. Въ слѣдующемъ году Сильвестръ и его друзья убѣждали Іоанна отправить на югъ всѣ военныя силы и самому встать во главѣ войска, вмѣсто того, чтобы продолжать войну съ Ливоніей, которая велась съ необыкновенной жестокостью, возмущавшей царскихъ совѣтниковъ. Но Иванъ и на этотъ разъ колебался и ограничился полумѣрами. Онъ послалъ противъ Крымскаго хана Дивлетъ-Гирея, брата Алексѣя Адашева, съ 50.000 человѣкъ, но самъ не двинулся съ мѣста. Даніилъ Адашевъ спустился на судахъ по Днѣпру до Чернаго моря и опустошилъ западный берегъ Крыма. Среди крымскихъ татаръ царили междоусобія, все царство пришло въ страшный ужасъ при вторженіи русскихъ, но такъ какъ на помощь послѣдними не посылалось подкрѣпленія изъ Москвы, то дѣло этимъ и ограничилось. Самая удобная минута для покоренія Крыма была

пропущена, и русскіе только напрасно раздражали своихъ враговъ. Между тѣмъ, несмотря на порицаніе Сильвестра и его многочисленныхъ сторонниковъ, ливонская война продолжалась.

Рыцари терпѣли одно пораженіе за другимъ. Наконецъ, ливонское правительство рѣшилось прибѣгнуть для своей защиты отъ Москвы къ послѣднему средству: 16 сентября 1559 года оно заключило въ Вильнѣ договоръ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, по которому оно отдавало ему часть своихъ владѣній, а тотъ обязался за это защищать орденскія земли отъ Москвы. Ревель съ Эстляндіей не захотѣли признать власти Польши и отдались Швеціи, а островъ Эзель отдался датскому королю, который посадилъ тамъ своего брата Магнуса. Въ 1560 году въ Москву отъ имени польскаго короля былъ отправленъ посолъ съ требованіемъ, чтобы царь не вступалъ больше въ Ливонію, потому что она отдалась подъ покровительство королевское. Царь отвѣчалъ на это высокомѣрно, называлъ ливонцевъ измѣнниками и требовалъ, чтобы король немедленно вывелъ свои войска изъ Ливоніи. Дѣло могло рѣшиться только оружіемъ, предстояла серьезная война. Польша въ это время представляла изъ себя очень сильное государство, состоящее изъ великаго княжества Литовскаго, занимавшаго юго-западную Русь и королевства Польскаго, объединившихся въ XIV вѣкѣ подъ властью великаго князя Литовскаго Ягелло, женившагося на польской королевѣ Ядвигѣ и получившаго вмѣстѣ съ нею польскую корону. Между тѣмъ, разрывъ между царемъ и его опекунами становился все ощутительнѣй; враги Сильвестра и Адашева всѣми

силами старались уничтожить ихъ вліяніе на государя, что, наконецъ, имъ и удалось: Іоаннъ рѣшилъ окончательно сбросить тяготившую надъ нимъ опеку. Въ концѣ 1559 года, во время его путешествія съ заболѣвшей царицей по монастырямъ, у него произошло крупное столкновеніе съ Сильвестромъ и Адашевымъ, которое окончилось полнѣйшимъ разрывомъ. Сильвестръ удалился въ одинъ изъ отдаленныхъ монастырей, а Адашевъ былъ отправленъ къ войску въ Ливонію. Царица Анастасія, вооруженная своими родными противъ царскихъ совѣтчиковъ, поддерживала въ Іоаннѣ его гнѣвъ противъ нихъ и даже была причиной послѣдней рѣшающей ссоры. Въ 1560 году, въ іюлѣ, испугавшись сильнаго пожара, она внезапно скончалась. Хотя передъ этимъ она долго хворала, но смерть ея была неожиданнымъ ударомъ для государя и сильно поразила его. Новые царскіе друзья не преминули воспользоваться этимъ, чтобы увѣрить Іоанна, что лихіе люди, Сильвестръ и Адашевъ, извели царицу своими чарами, которыми они и его самого держали такъ долго въ своей власти. Напрасно обвиненные просили суда надъ собою и дозволенія пріѣхать въ Москву, чтобы оправдаться, враги ихъ нашептывали Іоанну: „Если ты, царь, допустишь ихъ къ себѣ, они очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ, да кромѣ того народъ и войско любятъ ихъ, взбунтуются противъ тебя и насъ перебьютъ каменьями“.

По совѣту родственниковъ покойной царицы и многихъ духовныхъ лицъ, завидовавшихъ быстрому возвышенію Сильвестра, царь созвалъ духовный соборъ, который, несмотря на заступничество митрополита Макарія, заявившаго, что нельзя судить

человѣка заочно, приговорилъ Сильвестра къ заточенію въ Соловецкомъ монастырѣ. Гнѣвъ царскій не миновалъ и Адашева. По приказанію Іоанна онъ былъ посаженъ подъ стражу въ Дерптѣ, гдѣ и умеръ черезъ два мѣсяца отъ горячки. Послѣ него не осталось никакого состоянія, несмотря на его широкую власть и близость къ государю; послѣднее, что онъ имѣлъ, было роздано имъ бѣднымъ. Такъ кончилось правленіе царскихъ опекуновъ, а вмѣстѣ съ ними кончились и свѣтлые годы царствованія Іоанна.

Смерть любимой супруги не помѣшала государю черезъ восемь дней послѣ ея смерти посвататься къ польской принцессѣ Екатеринѣ, сестрѣ Сигизмунда-Августа. Между тѣмъ, не сдерживаемый больше присутствіемъ царицы, онъ остался одинъ на одинъ со своими дикими страстями. Окруживъ себя новыми любимцами, Іоаннъ предался буйному разгулу. Въ числѣ новыхъ приближенныхъ главное мѣсто заняли: Алексѣй Басмановъ съ сыномъ Ѳедоромъ, князь Аѳанасій Вяземскій, Малюта-Скуратовъ-Бѣльскій, Василій Грязной и чудовской архимандритъ Левкій; по ихъ совѣту еще полный ненависти къ своимъ бывшимъ опекунамъ, Іоаннъ началъ въ 1561 году свирѣпствовать надъ ихъ родственниками. Тогда были казнены Даніилъ Адашевъ съ двѣнадцатилѣтнимъ сыномъ и тестемъ Туринымъ, трое братьевъ Сатиныхъ, сестра которыхъ была за Алексѣемъ Адашевымъ, родственникъ Адашевыхъ Иванъ Шишкинъ съ женою и дѣтьми и вдова-полька Марія Магдалина, пріятельница Адашева, съ дѣтьми. Въ это же время начались и казни боярскія. Первыми были казнены князь Михайло Рѣпнинъ и князь Димитрій Овчи-

нинъ-Оболенскій, племянникъ бывшаго Еленинаго любимца; и тотъ и другой пали жертвами своего нежеланія потакать царскимъ порокамъ. Первый изъ нихъ, человѣкъ степенный и пожилой, былъ умерщвленъ за то, что не позволилъ пьяному Іоанну во время пира надѣть на него маску и со слезами умолялъ государя бросить разгулъ, пьянство и пиры; второй, молодой князь Овчининъ, былъ убитъ за ссору съ Ѳедоромъ Басмановымъ, съ самымъ развратнымъ изъ всѣхъ новыхъ царскихъ любимцевъ.

Князь Юрій Кашинъ былъ, неизвѣстно за какую провинность, убитъ на церковной паперти въ то время, какъ онъ шелъ къ заутренѣ. Самый близкій другъ Сильвестра и Адашева, князь Курлятевъ, былъ сосланъ съ женой и малолѣтними дочерьми въ Каргопольскій монастырь; черезъ нѣсколько лѣтъ царь вспомнилъ о нихъ и приказалъ ихъ всѣхъ удавить.

Князь Воротынскій, тоже одинъ изъ друзей Адашева и Сильвестра, былъ сосланъ съ семьей на Бѣлоозеро; многіе изъ семейства Шереметевыхъ сосланы и казнены. Испуганные бояре не знали, какъ спастись отъ пробудившагося царскаго гнѣва, нѣкоторые изъ нихъ рѣшили бѣжать изъ Московскаго государства. Отъѣздъ теперь считался измѣной и преступленіемъ. Съ подозрѣваемыхъ брались крестоцѣловальныя записи, что они не измѣнятъ царю и не отъѣдутъ въ чужія земли; кромѣ того, царь заставлялъ многихъ знатныхъ лицъ поручаться за нихъ съ обязательствомъ заплатить крупную сумму, въ случаѣ ихъ измѣны. Такъ, въ 1562 году за Ивана Дмитріевича Бѣльскаго царь получилъ 10,000 рублей отъ его поручителей послѣ мнимой

измѣны этого боярина, желавшаго угодить государю. Сватовство Іоанна къ польской принцессѣ не имѣло, между тѣмъ, успѣха. Сигизмундъ-Августъ подъ разными предлогами отказалъ ему въ рукѣ своей сестры. Затаивъ до времени въ душѣ чувство мести, Іоаннъ 21 августа 1561 года обвѣнчался съ дочерью черкесскаго князя Темрюка Маріей, женщиной жестокой и злой, имѣвшей вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ, поступившимъ въ число царскихъ любимцевъ, очень дурное вліяніе на государя. Злоба Іоанна противъ польскаго короля нашла себѣ, наконецъ, исходъ.

Въ 1563 году царь съ большой ратью двинулся въ походъ противъ Польши и подошелъ къ Полоцку. Городъ этотъ, важный самъ по себѣ, имѣлъ еще большее значеніе вслѣдствіе торговыхъ сношеній съ Ригой по З. Двинѣ. 31 января городъ былъ осажденъ, а 15 февраля сдался послѣ того, какъ былъ взятъ главный складъ припасовъ и сожжена городская стѣна. Польскій воевода Довайна и епископъ были отосланы въ Москву, а имущество ихъ и королевская казна разграблены, королевскіе же наемные воины отпущены и даже награждены шубами. Чтобы утолить свою жажду крови, Іоаннъ велѣлъ потопить въ Двинѣ всѣхъ находившихся въ Полоцкѣ евреевъ съ ихъ семьями и перебить всѣхъ католическихъ монаховъ. Узнавъ о взятіи Полоцка, Сигизмундъ-Августъ рѣшилъ заключить на время перемиріе. Іоаннъ, между тѣмъ, гордый своимъ успѣхомъ, торжественно воротился въ Москву, гдѣ его встрѣтили съ тѣми же почестями, какъ послѣ взятія Казани. Въ Полоцкѣ были оставлены воеводами Петръ Ивановичъ Шуйскій и братья Василій и Петръ Семено-

вичи Серебряные-Оболенскіе. Военные успѣхи, однакоже, не смирили злобы Іоанна: произошли событія, усилившія его недовѣріе и ненависть къ боярамъ и его кровожадныя наклонности. Князь Вишневецкій, пришедшій съ казаками въ Москву, чтобы громить Крымъ, увидавъ, что его планы не осуществляются, рѣшилъ перейти къ Сигизмунду-Августу.

Іоаннъ сдѣлалъ видъ, что онъ вполнѣ равнодушенъ къ бѣгству удалого казака. Отправляя гонца въ Польшу, онъ наказалъ ему, въ случаѣ, если разговоръ зайдетъ о Вишневецкомъ, говорить: „Притекъ онъ къ нашему государю, какъ собака, и утекъ, какъ собака, и нашему государю и землѣ никакого убытка не причинилъ“. Но на дѣлѣ было совсѣмъ не то: царь боялся, что Вишневецкій будетъ очень полезенъ его врагу и тому же гонцу было тайно приказано развѣдать подробно, какъ принялъ король бѣглеца. Въ то же время бѣжали къ королю братья Алексѣй и Гаврило Черкасскіе, и объ нихъ было велѣно гонцу все разузнать и даже, въ случаѣ ихъ желанія вернуться, обѣщать имъ помилованіе царя. Изо всего этого видно, какъ волновали государя побѣги его бояръ. Особенно поразило Іоанна бѣгство князя Андрея Михайловича Курбскаго, бѣжавшаго въ концѣ 1653 года отъ царскаго гнѣва послѣ проигранной имъ битвы подъ г. Невелемъ.

Онъ бѣжалъ изъ Дерпта въ г. Вольмаръ и отдался Сигизмунду-Августу, который принялъ его съ почетомъ.

Но царскій гнѣвъ за проигранное имъ сраженіе являлся только ближайшимъ поводомъ, послѣдней каплей, переполнившей чашу. Послѣ паденія Ада-

шева и Сильвестра ненависть царя обратилась всецѣло на Курбскаго: онъ подозрѣвалъ его въ смерти царицы Анастасіи, наравнѣ съ его бывшими друзьями, обвинялъ его во всякихъ злоумышленіяхъ и только ждалъ случая, чтобы погубить его. Князь Курбскій опередилъ царя. Принадлежа къ начитаннѣйшимъ и образованнѣйшимъ людямъ своего времени, Курбскій въ этомъ отношеніи подходилъ къ Іоанну: одинаковая страсть къ книгамъ и служила прежде самою сильною связью между ними. Бѣжать изъ Московскаго государства молча Курбскій не хотѣлъ: изъ враждебнаго лагеря онъ послалъ государю укоризненное, ѣдкое письмо.

Іоаннъ отвѣчалъ ему, называя въ своемъ письмѣ Курбскаго „собакою“, но желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, оправдаться передъ нимъ. Началась длинная переписка. Кромѣ писемъ къ Іоанну, Курбскій послѣ своего побѣга написалъ еще сочиненіе о современныхъ событіяхъ, въ которомъ обвинялъ во всемъ Іоанна и оправдывалъ себя. Въ своихъ произведеніяхъ Курбскій являлся яркимъ представителемъ противниковъ московскаго государя.

Все зло, по его мнѣнію, началось со времени объединенія Руси въ одно государство, Московскіе князья, какъ истребители удѣльныхъ князей, вызывали его живѣйшее негодованіе; не менѣе возмущало его военно-закрѣпощенное состояніе Московскаго государства, крайне изнурявшее все населеніе.

„У воинства“, писалъ Курбскій, „не хватало не только коней и доспѣховъ, но даже дневной пищи; его недостатки, убожества и бѣды, превышали всякое описаніе; купцы же и земледѣльцы

изнывали подъ бременемъ непомѣрныхъ даней: одну дань только что взяли, другую берутъ, за третьей посылаютъ, а четвертую уже замышляютъ“. Указывая на свой отъѣздъ, Курбскій не считалъ себя клятвопреступникомъ, не признавая вынужденной присяги, которая лежала въ основѣ московскаго порядка. „Есть у васъ обычай“, писалъ онъ Іоанну: „аще бы кто не присягнулъ горчайшей смертью да умретъ“. По словамъ же всѣхъ мудрецовъ, говоритъ онъ дальше: „не тому бываетъ грѣхъ, кто цѣлуетъ, но паче тому, кто принуждаетъ“. Въ своихъ посланіяхъ Курбскій постоянно доказывалъ Іоанну, что царь долженъ всегда для пользы своего государства совѣтоваться съ мудрыми и благожелательными людьми, разыскивая ихъ среди всего своего народа, такъ какъ „даръ духа дается не по богатству внѣшнему и по силѣ царства, но по правости душевной“. Въ доказательство своей мысли Курбскій приводилъ въ примѣръ царствованіе самого Іоанна, дѣля его на двѣ части: время славы и удачъ, когда царь выслушивалъ мнѣніе мудрыхъ людей, и мрачные годы послѣдующаго царствованія, когда онъ отдѣлилъ дѣла правительства отъ дѣлъ земства.

Письменная борьба съ Курбскимъ страшно раздражала Іоанна: онъ чувствовалъ правоту своего противника, чувствовалъ безопасность его въ Польшѣ, и мысль о немъ отравляла многіе часы его жизни. Но не только знатные бояре бѣжали изъ Россіи: бѣжали первые русскіе типографы Ѳедоровъ и Мстиславецъ, бѣжали многіе дворяне и дѣти боярскія.

Іоаннъ почувствовалъ, какъ велико количество его противниковъ и какъ трудна борьба съ ними;

если онъ не въ состояніи удержать ихъ отъ бѣгства даже внутри государства, то кого же послать съ войскомъ на границу? А гдѣ спастись ему самому отъ ихъ козней и злоумышленій? Эта мысль не давала покоя воспріимчивому, страстному, озлобленному государю. Онъ приготовился къ борьбѣ. Прежде всего онъ рѣшилъ убѣдиться, найдутъ ли его враги поддержку въ народѣ. 3 декабря 1564 года, взявъ съ собой своихъ любимцевъ и изъ Москвы и со всѣхъ городовъ бояръ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и приказныхъ людей, которыхъ выбралъ поименно съ ихъ женами и дѣтьми, и захвативъ всю царскую казну, дорогія иконы, кресты, сосуды, платье и деньги, Іоаннъ черезъ Коломенское, Тайнинское и Троицу проѣхалъ въ Александровскую слободу, свое любимое мѣстопребываніе. Оставшіеся въ Москвѣ митрополитъ, духовенство и бояре пришли въ недоумѣніе и тревогу отъ внезапнаго царскаго отъѣзда; никто, однако, не осмѣлился обратиться къ царю. Ровно черезъ мѣсяцъ, 3 января, въ Москву пріѣхалъ отъ царя Константинъ Поливановъ съ грамотой къ митрополиту. Недоумѣніе Москвы разрѣшилось. Перечисливъ всѣ измѣны воеводскія и боярскія, царь объявлялъ, что положилъ свой гнѣвъ на богомольцевъ своихъ архіепископовъ, епископовъ и все духовенство, на бояръ, окольничьихъ, дворецкаго, казначея, конюшаго, дѣтей боярскихъ, приказныхъ людей, припомнилъ убытки, нанесенные послѣдними государству и заступничество за нихъ духовенства и объявлялъ, что отъ великой жалости онъ, государь, не хочетъ болѣе терпѣть ихъ измѣнныхъ дѣлъ и поѣхалъ поселиться тамъ, гдѣ его Господь Богъ наставитъ. Къ гостямъ же

и къ купцамъ и ко всему христіанству города Москвы гонецъ привезъ другую грамоту, которую царь приказалъ всенародно прочесть. Въ ней Іоаннъ писалъ, чтобы московскіе люди нимало не сомнѣвались: гнѣва на нихъ и опалы никакой нѣтъ. Такимъ образомъ, царь какъ бы предавалъ весь служилый классъ и духовенство народному суду, самъ становясь заодно съ народомъ.

Когда обѣ грамоты были прочтены, среди бояръ и народа раздались громкіе рыданія и вопли. Народъ кричалъ, обращаясь къ митрополиту: „Всѣ своими головами ѣдемъ за тобой бить государю челомъ и плакаться“; нѣкоторые же говорили: „Пусть царь укажетъ своихъ измѣнниковъ, мы сами ихъ истребимъ“. Искра раздора была брошена. Митрополитъ остался въ Москвѣ, гдѣ уже начинались волненія; духовенство и бояре отправились въ Александровскую слободу и объявили Іоанну общее рѣшеніе, общую мольбу. Царь принялъ ихъ, словно враговъ въ военномъ лагерѣ, и приказалъ окружить ихъ стражею, однако челобитную выслушалъ и подалъ имъ надежду возвратиться и снова принять правленіе, но съ условіемъ, чтобы ему на всѣхъ измѣнниковъ и ослушниковъ опалы класть, а иныхъ казнить и имѣніе ихъ въ казну брать, себя же окружить особо выбранными „опричными“ людьми въ количествѣ 1000 человѣкъ для того, чтобы истреблять лиходѣевъ и выводить измѣну изъ государства.

2-го февраля царь возвратился въ Москву. Страшная перемѣна произошла въ немъ за время его короткаго отсутствія. Со страхомъ глядѣли на него духовенство, бояре, дворяне и приказные: вмѣсто высокаго, статнаго, широкоплечаго, молод-

цеватаго государя, передъ ними явился сгорбленный, плѣшивый человѣкъ, съ искаженнымъ лицомъ, мутнымъ взглядомъ, вылѣзшими усами и бородой. Казалось, за этотъ промежутокъ времени Іоаннъ постарѣлъ на десятки лѣтъ и впалъ въ состояніе души, близкое къ помѣшательству. Опричина была утверждена. Царь окружилъ себя людьми, которымъ онъ могъ довѣрять, и назначалъ самъ, начиная отъ бояръ, окольничихъ и кончая ключниками, поварами, конюхами, псарями и проч. дворовыми людьми.

Приставлены были также къ царю особые стрѣльцы. Назначены были города и волости, съ которыхъ доходы шли на царскій обиходъ и на жалованье служилымъ людямъ, отобраннымъ въ опричину. Въ городахъ этихъ и волостяхъ помѣстья раздавались только избраннымъ въ опричину князьямъ, боярамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, вотчинниковъ же и помѣщиковъ изъ этихъ земель приказано было вывесть и перевести въ другія земли. Въ случаѣ же, если доходовъ съ отобранныхъ земель не будетъ хватать, то царь рѣшилъ брать и другіе города и волости въ опричину.

Въ самой Москвѣ были взяты въ опричину нѣкоторыя улицы и слободы, и прежніе обыватели переведены въ другія улицы.

Вмѣсто кремлевскаго дворца царь приказалъ себѣ строить новый близъ Арбата, а главнымъ своимъ мѣстопребываніемъ назначилъ Александровскую слободу.

Все остальное государство называлось земщиной и отдавалось въ вѣдѣніе земскихъ бояръ: Бѣльскаго, Мстиславскаго и др. Всѣ земскія дѣла рѣ-

шались боярскимъ совѣтомъ, въ важнѣйшихъ же случаяхъ даже докладывали государю. Земщина являлась опальной землей, частью Руси, постигнутой гнѣвомъ Іоанна.

За подъемъ свой государь приказалъ выдать ему 100.000 рублей изъ земскаго приказа, а имѣніе бояръ, воеводъ и приказныхъ людей, заслужившихъ за свою измѣну смертную казнь и опалу, отобрать въ казну. На третій день послѣ появленія царя въ Москвѣ начались казни. Были казнены: князь Горбатый-Шуйскій съ молодымъ сыномъ, родственники ихъ двое Хавриныхъ, князь Сухой-Кашинъ, князь Шевыревъ, князь Горенскій; многіе были сосланы или насильно пострижены, со многихъ взяты новыя записи въ вѣрности.

Царь переѣхалъ снова въ Александровскую слободу, гдѣ и засѣлъ во дворцѣ, обведенномъ валомъ и рвомъ. Никто не смѣлъ безъ царскаго разрѣшенія выѣхать изъ слободы.

Любимцы Іоанновы, между тѣмъ, набирали въ опричину дворянъ и дѣтей боярскихъ; скоро ихъ число вмѣсто назначенныхъ 1000 человѣкъ достигло 6000. Чтобы дать имъ помѣстья и вотчины, прежнихъ владѣльцевъ высылали на пустыя земли, отнявъ у нихъ все движимое и недвижимое имущество. Часто несчастнымъ приходилось брести сотни верстъ пѣшкомъ въ зимнюю стужу; болѣе 12.000 семействъ было окончательно разорено, многія изъ нихъ погибли. Опричники тѣмъ временемъ, заручившись царскимъ согласіемъ, грабили и разоряли крестьянъ, жившихъ на ихъ земляхъ; имъ даже вмѣнялось въ долгъ насиловать и предавать смерти земскихъ людей. Если жъ послѣднимъ приходила въ голову несчастная мысль

судиться съ новыми царскими слугами, то судъ всегда былъ на сторонѣ опричниковъ и выдавалъ имъ съ головою земскихъ людей. Народъ скоро пришелъ въ такое нищенское положеніе, что казалось, что непріятель посѣтилъ страну. Опричники сдѣлались грозою Московскаго государства; ихъ знаки отличія—метла и изображеніе собачьей головы въ доказательство того, что они, какъ собаки, оберегаютъ царское здравіе и выметаютъ измѣну,—возбуждали ужасъ въ народѣ. Завидѣвъ опричника, купцы запирали свои лавки, прохожіе спѣшили укрыться въ своихъ домахъ. Обидѣть царскаго опричника считалось преступленіемъ, царь же требовалъ отъ избранныхъ имъ слугъ свирѣпости и безсердечія ко всѣмъ тѣмъ, которые не принадлежали къ опричинѣ; малѣйшій порывъ состраданія къ земскимъ людямъ грозилъ опричнику царской немилостью, разореніемъ и даже смертью.

Всякое чувство законности безслѣдно исчезло на Руси вмѣстѣ съ начатками общиннаго управленія, установленными Сильвестромъ и Адашевымъ. „Если бъ сатана хотѣлъ выдумать что-нибудь для порчи человѣческой“, отзывались объ опричинѣ современники-иноземцы: „то и тотъ не могъ-бы выдумать ничего удачнѣе“. Все, что перечувствовалъ Іоаннъ за время бѣгства Курбскаго, своего отъѣзда въ слободу и чудовищныхъ преобразованій, придуманныхъ имъ, не могло не отразиться на его умственныхъ способностяхъ. Страшному состоянію души государя вполнѣ соотвѣтствовалъ его новый образъ жизни.

Выбравъ изъ числа опричниковъ 300 человѣкъ, Іоаннъ устроилъ у себя въ слободѣ нѣчто въ родѣ монастыря, самъ себя назвалъ игуменомъ, Вя-

земскаго— келаремъ, Малюту Скуратова—понамаремъ. Уставъ новаго монастыря былъ сочиненъ самимъ Іоанномъ. Одѣтые въ черныя рясы сверхъ золотомъ шитыхъ кафтановъ, съ тафьями на головахъ, собирались новые монахи къ полуночному бдѣнію: Въ 4 часа утра по царскому звону вся братія обязана была снова собраться къ заутренѣ. Царь такъ усердно клалъ поклоны, что на лбу у него образовались шишки. Богослуженіе смѣнялось пытками и казнями; то были любимыя развлеченія Іоанна, дикій хохотъ вырывался изъ его груди при видѣ мученій и крови. Вся братія вытаскивала изъ-подъ рясъ длинные ножи и обращалась въ палачей. Когда и это развлеченіе надоѣдало Іоанну, онъ приказывалъ хватать и приводить къ нему знатныхъ и незнатныхъ красавицъ. Опричники похищали ихъ силою изъ ихъ домовъ и приводили къ государю. Поигравъ не долго со своей жертвой, царь бросалъ ее на поруганіе своимъ вѣрнымъ слугамъ. Изъ опасенія мести за несчастныхъ ихъ мужья и родственники томились и убивались по приказанію царя. Удѣломъ опозоренныхъ женщинъ обыкновенно была та же смерть. Но горе было тѣмъ, кого царь подозрѣвалъ въ недовольствѣ новыми порядками, въ измѣнѣ. Эти подозрѣнія не оставляли Іоанна ни на минуту и все новыя и новыя жертвы прибавлялись къ тѣмъ, которыя уже пали въ угоду государя. Возненавидѣвъ своего конюшаго, боярина Ивана Петровича Челяднина, царь обвинялъ его въ томъ, что онъ будто бы желаетъ свергнуть его съ престола и самъ сдѣлаться царемъ. Несчастнаго старика одѣли въ царское одѣяніе, посадили на престолъ, и Іоаннъ, кланяясь

ему въ землю, ядовито произнесъ: „здравъ буди, государь вся Руси! Вотъ ты добился, чего хотѣлъ. Я самъ сдѣлалъ тебя государемъ, но я имѣю власть и свергнуть тебя съ престола“. Довольный своимъ жестокимъ остроумiемъ, царь собственноручно пронзилъ Челяднина ножомъ. Вслѣдъ за нимъ были замучены его престарѣлая жена и въ качествѣ злоумышленниковъ князья Куракинъ-Булгаковъ, Ряполовскiй, трое Ростовскихъ, Щенятевъ, Турантай-Пронскiй, казначей Тютинъ, думный дьякъ Казаринъ-Дубровскихъ и много другихъ. Вслѣдъ за ними были казнены и замучены ихъ жены; многихъ опричники хватали и приводили на забаву къ царю, нѣкоторыя сами лишали себя жизни. Вотчины опальныхъ были до тла разорены. Пока внутри Россiи совершались всѣ эти роковыя перемѣны, внѣшнiя дѣла ея съ Польшей не были еще окончены: военныя дѣйствiя снова открылись и начались неудачей русскихъ при рѣкѣ Оршѣ, затѣмъ дѣла пошли съ перемѣннымъ счастьемъ. Начались опять переговоры. Сигизмундъ-Августъ предлагалъ перемирiе на слѣдующихъ условiяхъ: онъ отдаетъ Iоанну Полоцкъ и всѣ ливонскiе города, занятые русскими по правой сторонѣ Зап. Двины, себѣ же оставляетъ весь лѣвый берегъ съ Ригой и Курляндiей. Переходъ Курбскаго къ польскому королю и неудача при Оршѣ заставили Iоанна призадуматься.

Въ 1566 году были созваны земскiе выборные люди, чтобы рѣшить, соглашаться ли на предложенныя условiя перемирiя или продолжать войну. Мнѣнiя отбирались по сословiямъ; всѣ единогласно рѣшили перемирiя не принимать, а въ сущности все предоставлялось на волю государя. Въ заклю-

ченіе всѣ должны были цѣловать крестъ на томъ, чтобы вѣрно служить государю и его дѣтямъ. Вообще дума та была собрана Іоанномъ главнымъ образомъ для того, чтобы убѣдиться, не кроется ли еще гдѣ-нибудь измѣны и расположенія къ Польшѣ. Отобравъ мнѣнія, Іоаннъ отправилъ къ королю посла съ наказомъ не заключать мира, если только король не согласится отдать всей Ливоніи и выдать Курбскаго. Однако, скоро рѣшеніе Іоанна перемѣнилось. Поводомъ къ этому послужилъ раздоръ его со Швеціей. Въ Швеціи въ это время царствовалъ полупомѣшанный король Эрикъ. Братъ его, Іоаннъ, былъ женатъ на Екатеринѣ, сестрѣ Сигизмунда-Августа, въ рукѣ которой было отказано русскому государю. Іоаннъ не забылъ нанесеннаго ему оскорбленія. Онъ уговорилъ Эрика выдать ему Екатерину и за это обѣщалъ помогать ему въ его дѣлахъ противъ Даніи и Польши. За молодой женщиной были отправлены изъ Москвы бояре, но шведы задержали пословъ, а, между тѣмъ, низложили своего помѣшаннаго короля и посадили брата на его мѣсто. Бояре со стыдомъ возвратились въ Москву. Ярость царя не имѣла предѣловъ; онъ рѣшилъ отомстить Швеціи, а чтобы оградить себя на это время отъ Польши, онъ самъ послалъ къ Сигизмунду-Августу просить перемирія, которое, наконецъ, и было заключено.

Гнѣвъ его, между тѣмъ, обратился на церковную власть въ лицѣ ея представителя митрополита Филиппа. Усердно помогая московскому государю въ его борьбѣ съ бывшими князьями и дружинниками, духовенство въ то же время блюло надъ ихъ жизнью, какъ членовъ церкви; установился обычай, чтобы митрополитъ и вообще духо-

венство печаловались за опальныхъ и брали ихъ на поруки. Но Иванъ Васильевичъ не могъ помириться съ этой мыслью: онъ задался убѣжденіемъ, что самодержавный царь можетъ дѣлать все, что ему угодно, даже самыя большія сумасбродства, что на землѣ не можетъ быть права, которое могло бы поставить преграды его произволу. Митрополитъ Макарій, рѣшившійся смиренно просить за Сильвестра, былъ очень не по сердцу государю. Пріемникъ его, монахъ Чудова монастыря, Аѳанасій, не дерзалъ порицать царскихъ поступковъ, даже когда была учреждена опричина. Въ 1566 году онъ уволился въ Чудовъ монастырь на покой. Послѣ него выборъ палъ на казанскаго архіепископа Германа, но бесѣды благочестиваго старца не понравились Іоанну, который прогналъ его и, по слухамъ, даже велѣлъ его тайно умертвить. На мѣсто Германа былъ вызванъ игуменъ Соловецкой обители, Филиппъ. Онъ происходилъ изъ знатнаго и древняго боярскаго рода Колычевыхъ. Отецъ его, Стефанъ, былъ важнымъ сановникомъ при Василіи Ивановичѣ. Самъ Филиппъ, въ міру Ѳедоръ, служилъ въ молодости въ ратныхъ и земскихъ дѣлахъ и сумѣлъ пріобрѣсть любовь малолѣтняго Іоанна. Въ тридцать лѣтъ Ѳедоръ Колычевъ, подъ именемъ Филиппа, постригся въ Соловецкую обитель и черезъ десять лѣтъ сталъ ея игуменомъ. Во всей русской исторіи не встрѣчается среди монашества другого лица, которое бы настолько соединяло въ себѣ необыкновенное благочестіе съ постоянной заботой о счастьѣ и благополучіи ближняго и рѣдкими способностями правителя не только надъ своей братіей, но и обществомъ мірскихъ людей. Призванный Іоанномъ

въ Москву, Филиппъ рѣшительно объявилъ, что онъ согласится быть митрополитомъ только подъ условіемъ уничтоженія опричнины. Иванъ разсердился, грозилъ ему своимъ гнѣвомъ, приказывалъ ему быть митрополитомъ. Наконецъ, Филиппъ согласился, надѣясь своими убѣжденіями обратить на путь истинный грознаго царя. Онъ далъ грамоту не вмѣшиваться въ опричнину и домовый обиходъ царя и 25 іюня 1566 года былъ поставленъ въ митрополиты. Нѣсколько времени царь какъ-будто воздерживался отъ своей кровожадности, но скоро снова принялся за пытки и казни.

Опричина буйствовала. Вельможи и народъ умоляли митрополита заступиться за нихъ.

Филиппъ отказался отъ вмѣшательства въ опричину, но молчать совсѣмъ онъ не хотѣлъ. Тщетно царь, не взлюбившій настойчиваго митрополита, избѣгалъ свиданія съ нимъ, тщетно царскіе любимцы, возненавидѣвшіе Филиппа пуще самого царя, старались не допускать его къ Ивану: встрѣчи были неизбѣжны въ церквахъ; и здѣсь-то происходили страшныя сцены между государемъ и митрополитомъ, предвѣщавшія много недобраго впереди. „Только молчи, одно тебѣ говорю, молчи, отецъ святой“, говорилъ Іоаннъ, съ трудомъ сдерживая свой гнѣвъ: „молчи и благослови насъ“. „Наше молчаніе“ отвѣчалъ Филиппъ, „ведетъ тебя къ грѣху и всенародной гибели. Господь заповѣдалъ намъ душу свою полагать за други свои“. „Не прекословь державѣ нашей“, продолжалъ царь, „а не то гнѣвъ мой постигнетъ тебя, или оставь митрополію“.

„Я не просилъ тебя о ней“, возражалъ Филиппъ: „не посылалъ къ тебѣ ходатаевъ, никого

не подкупалъ для полученія сана; зачѣмъ ты взялъ меня изъ пу̀стыни?“ Царь выходилъ изъ церкви въ глубокомъ раздумьѣ. Страшно было это раздумье царскимъ любимцамъ: они рѣшились погубить митрополита; для этого они подговорили многихъ духовныхъ лицъ, завидовавшихъ высокому положенію Филиппа. А тѣ явно и тайно старались своими рѣчами очернить митрополита въ глазахъ Іоанна.

Былъ даже вызванъ изъ Соловецкой обители новый игуменъ ея, Паисій, который, соблазненный выгодными обѣщаніями, рѣшился ложно обвинить своего предшественника въ различныхъ нечистыхъ дѣлахъ. Старанія враговъ Филиппа увѣнчались успѣхомъ: Іоаннъ рѣшилъ судить митрополита.

Созвали соборъ, на который былъ вызванъ Филиппъ. Митрополитъ хотѣлъ самъ отрѣшиться отъ своего сана, но Іоаннъ не допустилъ его до этого; ему хотѣлось самому низложить благочестиваго старца. 8 ноября 1568 года опричники съ безчестіемъ вывели Филиппа изъ Успенскаго собора, сорвали съ него облаченіе, одѣли въ разодранную монашескую рясу и били его своими метлами; народъ со слезами бѣжалъ за нимъ. Черезъ нѣсколько дней Филиппу прочли его окончательный приговоръ; его присудили къ вѣчному заключенію.

Митрополитъ не защищался, а только сказалъ Іоанну: „Государь, перестань творить богопротивныя дѣла. Вспомни прежде бывшихъ царей. Тѣ, которые творили добро, и по смерти славятся, а тѣ, которые дурно правили своимъ царствомъ, и теперь вспоминаются недобрымъ словомъ. Смерть не побоится твоего высокаго сана. Опомнись, и

прежде ея немилостиваго пришествія, принеси плоды добродѣтели и собери сокровище себѣ на небесахъ, потому что собранное тобой въ этомъ мірѣ здѣсь и останется". По царскому приказанію на руки низложенному митрополиту одѣли желѣзные кандалы, а ноги забили въ деревянныя колодки. Мѣстомъ заключенія былъ назначенъ Тверской Отрочь монастырь. Многіе изъ Колычевыхъ, родственниковъ митрополита, были казнены. Мужество Филиппа раздражило Ивана не менѣе писемъ Курбскаго: оно усилило въ немъ жажду крови и ненависть къ мнимымъ врагамъ. Главнымъ изъ нихъ, котораго онъ не рѣшался еще тронуть, былъ двоюродный братъ его, Владиміръ Андреевичъ, который въ глазахъ Іоанна, со времени его болѣзни, оставался всегда опаснымъ соперникомъ. Въ началѣ 1569 года, осудивъ Филиппа, Іоаннъ рѣшилъ покончить и съ княземъ Владиміромъ.

Владиміръ Андреевичъ съ женой были заманены въ Александровскую слободу и оба умерщвлены. Вслѣдъ за ними были утоплены мать Владиміра Андреевича, инокиня Евдокія, и вдова брата Іоаннова Юрія, инокиня Александра. Та же участь постигла какую-то монахиню Марію, тоже знатнаго рода, и еще двѣнадцать человѣкъ. Но страшный огонь сжигалъ внутренность Іоанна и все требовалъ пищи. Въ сентябрѣ 1659 года умерла вторая его жена, Марія Темрюковна, и Іоанну вообразилось, что она, подобно Анастасіи, отравлена его врагами. Ужасъ и страхъ за свою жизнь не давали покоя государю: ужъ и новые любимцы становились для него ненавистными, какъ и прежніе друзья. Лѣтомъ 1569 года царю донесли, что новгородцы хотятъ передаться польскому королю,

и что письмо къ нему отъ имени новгородскаго архіепископа Пимена спрятано въ Новгородѣ, въ Софійскомъ соборѣ, за образомъ Богородицы. Новгородъ такъ же, какъ и Псковъ, были давно ненавистны Іоанну за то, что города эти были одними изъ послѣднихъ, присоединенныхъ въ Москвѣ, и долго пользовались своей свободой. Отецъ и дѣдъ Іоанна вели съ ними жестокую борьбу. Царь съ жадностью ухватился за доносъ и немедленно отправилъ въ Новгородъ довѣреннаго человѣка, который дѣйствительно нашелъ грамоту, написанную и положенную туда самимъ доносчикомъ. Іоаннъ рѣшилъ разгромить Новгородъ и въ декабрѣ 1659 года двинулся походомъ на сѣверъ. Онъ шелъ какъ бы на войну. Кромѣ Новгорода и Пскова, была осуждена на разгромленіе и Тверь за то, что тверскіе князья когда-то долго сопротивлялись московскимъ. Первымъ пострадалъ городъ Клинъ, нѣкогда принадлежавшій Твери. Опричники, ворвавшись въ него, убивали кого попало.

По всей дорогѣ отъ Клина до Новгорода производились страшныя опустошенія. Особенно пострадала Тверь. Царь простоялъ подъ этимъ городомъ пять дней. По его приказанію Малюта Скуратовъ отправился въ Отрочь монастырь къ Филиппу и собственноручно задушилъ его. Ограбивъ всѣхъ жителей, начиная съ епископа, опричники начали убивать всѣхъ безъ разбора: мужчинъ, женщинъ, дѣтей; жгли огнемъ, рвали клещами, бросали въ Волгу. Та же исторія повторилась въ городахъ: Торжкѣ, Вышнемъ-Волочкѣ, Валдаѣ, Яжелбицахъ.

2 января 1570 года явился въ Новгородъ передовой отрядъ царскаго войска, чтобы окружить городъ и не дать никому убѣжать. 6 января пріі-

ѣхалъ самъ царь съ сыномъ Иваномъ и сталъ на торговой сторонѣ, на Городищѣ. На другой день были до смерти избиты палками приведенные заранѣе изъ подгородныхъ монастырей игумены и монахи, числомъ до 500 человѣкъ. На третій день Іоаннъ вмѣстѣ съ сыномъ отправился въ Кремль, въ Софійскій соборъ, къ обѣднѣ. На Волховскомъ мосту его встрѣтилъ по обычаю владыка Пименъ съ крестами и иконами. Но Иванъ не подошелъ ко кресту, которымъ хотѣлъ его осѣнить архіепископъ, и сказалъ: „Ты, злочестивецъ, держишь въ рукѣ не крестъ животворящій, а оружіе, и этимъ оружіемъ хочешь уязвить наше сердце; со своими злоумышленниками, жителями сего города, хочешь нашу отчизну, этотъ великій богоспасаемый Новгородъ, отдать иноплеменникамъ, польскому королю Сигизмунду-Августу. Съ этихъ поръ ты не пастырь и не учитель, но волкъ-хищникъ, губитель, измѣнникъ, нашему царскому вѣнцу досадитель!“ Затѣмъ онъ приказалъ служить обѣдню и по окончаніи ея пошелъ къ архіепископу обѣдать. Едва усѣлся Іоаннъ за столъ и отвѣдалъ пищи, какъ вдругъ страшно закричалъ. Это былъ условный знакъ: царскіе приближенные схватили архіепископа Пимена, бросились грабить владычную казну, затѣмъ овладѣли ризницей и всѣми церковными вещами въ Софійскомъ соборѣ.

То же было сдѣлано по всѣмъ церквамъ и монастырямъ. Самъ царь съ сыномъ уѣхали въ Городище, гдѣ начался судъ. Къ нему стали приводить знатнѣйшихъ новгородцевъ съ ихъ женами и дѣтьми.

Иванъ приказалъ своимъ опричникамъ раздѣвать ихъ и терзать „неисповѣдимыми“ муками; ихъ жгли

какой-то новой „составной мудростью огненной“, привязывали къ санямъ и волочили къ Волховскому мосту, оттуда бросали въ рѣку; женъ и дѣтей бросали съ высокаго мѣста, связывали имъ руки и ноги, младенцевъ привязывали къ матерямъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не спасся; по рѣкѣ ѣздили въ маленькихъ лодкахъ вѣрные царскіе слуги съ баграми и топорами и добивали тѣхъ, кто выплывалъ. Пять недѣль продолжалась неукротимая царская ярость. По окончаніи расправы, Іоаннъ сталъ ѣздить по окрестнымъ монастырямъ и грабить и жечь все имущество. Потомъ возвратился въ Новгородъ и разорилъ всѣ торговые ряды. Опричники тѣмъ временемъ разъѣзжали по селамъ, деревнямъ и боярскимъ усадьбамъ на 200 верстъ въ окружности и истребляли все, что попадалось имъ на пути:

Наконецъ, 13 февраля Іоаннъ приказалъ собрать всѣхъ уцѣлѣвшихъ новгородцевъ и поставить передъ собою. Изможденные, какъ мертвецы, стали они съ трепетомъ передъ нимъ, но царь взглянулъ на нихъ милостивымъ окомъ и сказалъ: „Жители великаго Новгорода, оставшіеся въ живыхъ! Молите Господа Бога, Пречистую Его Матерь и всѣхъ святыхъ о нашемъ благочестивомъ царскомъ державствѣ, о дѣтяхъ моихъ, благовѣрныхъ царевичахъ Иванѣ и Ѳедорѣ, о всемъ нашемъ христолюбивомъ воинствѣ, чтобъ Господь Богъ даровалъ намъ побѣду и одолѣніе на всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, а судитъ Богъ общему измѣннику моему и вашему, владыкѣ Пимену, его злымъ совѣтникамъ и единомышленникамъ; вся эта кровь взыщется на нихъ, измѣнникахъ. Вы объ этомъ теперь не скорбите, живите въ Новгородѣ

благодарно: я вамъ вмѣсто себя оставлю правителемъ боярина своего и воеводу, князя Пронскаго". Самого Пимена Іоаннъ отправилъ въ оковахъ въ Александровскую слободу. Число истребленныхъ, по словамъ современниковъ, достигало до 15000 человѣкъ. Псковскій лѣтописецъ говоритъ, что Волховъ былъ запруженъ тѣлами. Новгородъ былъ совершенно разоренъ, народъ умиралъ отъ голода и болѣзней; доходило до того, что люди поѣдали другъ друга и вырывали мертвыхъ изъ могилъ. Весь край упалъ и обезлюдѣлъ послѣ страшнаго царскаго посѣщенія.

Изъ Новгорода царь отправился во Псковъ. Псковичи съ ужасомъ ждали участи новгородцевъ; они исповѣдывались, причащались. По совѣту своего воеводы, князя Токмакова, они встрѣтили Іоанна съ женами и дѣтьми, держа въ рукахъ хлѣбъ-соль и, завидѣвъ царя, упали къ нему въ ноги. Это понравилось государю; но особенно подѣйствовала на него встрѣча съ юродивымъ Николой, который поднесъ ему кусокъ сырого мяса и на слова Іоанновы: „Я христіанинъ и не ѣмъ мяса въ постъ",— отвѣчалъ смѣло: „Ты хуже дѣлаешь, ты ѣшь человѣческое мясо". Царь рѣшилъ не казнить псковичей и, ограбивъ церковную казну и частныя владѣнія жителей, покинулъ Псковъ. Но дѣло не кончилось этимъ походомъ. Послѣ устроенной имъ бойни, Іоанну взбрело на умъ, что новгородскій епископъ Пименъ имѣлъ соумышленниковъ въ Москвѣ. Въ числѣ привлеченныхъ по этому дѣлу очутились бывшіе царскіе любимцы, отецъ и сынъ Басмановы, князь Аѳанасій Вяземскій и множество другихъ знатныхъ людей, всего 300 человѣкъ. 180 изъ нихъ было прощено, остальные были казнены

самыми мучительными казнями. Изобрѣтательный царь сумѣлъ почти каждому изъ осужденныхъ придумать особую казнь. Вяземскій не вынесъ мученій и умеръ подъ пыткой. Ѳедоръ Басмановъ по приказанію Іоанна убилъ своего отца и потомъ былъ убитъ самъ. На другой же день были утоплены жены убитыхъ. Тѣла казненныхъ нѣсколько дней валялись на площади, терзаемыя собаками.

Все страшнѣй и мрачнѣй становилась жизнь на Руси: казни и грабежи царя, непрерывная война съ Ливоніей сопровождались неурожаемъ и заразительными болѣзнями; народъ въ отчаяніи покидалъ свою родину и бѣжалъ по лѣсамъ, по чужимъ землямъ. И на эту-то разоренную, опустѣвшую землю весной 1571 года напалъ крымскій ханъ Девлетъ-Гирей съ 120,000 крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Перейдя черезъ Оку, онъ направился прямо къ Серпухову, гдѣ находился въ это время царь со своими опричниками.

Иванъ обратился въ бѣгство, бросивъ столицу на произволъ судьбы. Такъ поступали его предшественники, такъ поступилъ и онъ. Земскіе воеводы хотѣли было защитить Москву, но татары успѣли зажечь ея предмѣстья. Въ ясный день при сильномъ вѣтрѣ вся Москва сгорѣла въ три часа, одинъ только Кремль уцѣлѣлъ. По словамъ современниковъ, народа и войска погибло до 80,000 человѣкъ. При вѣсти о татарахъ въ Москву сбѣжалось множество окрестныхъ жителей. Бѣжать было некуда: въ полѣ татары, въ Кремль не пускали; всѣ старались попасть въ самыя отдаленныя отъ враговъ ворота; люди бѣжали въ три ряда по головамъ другъ у друга, давя находившихся внизу; многія тысячи были задавлены и задушены,

другіе сгорѣли и задохлись отъ дыма, въ числѣ послѣднихъ — главный воевода князь Иванъ Бѣльскій. Москва-рѣка мертвыхъ не пронесла: трупы спускали внизъ по рѣкѣ особо приставленные люди. Митрополитъ и духовенство успѣли спастись въ церкви Успенія. Татары не могли ничего награбить: все имущество жителей погибло въ огнѣ. Ханъ не сталъ осаждать Кремля и ушелъ со 150,000 плѣнныхъ, оставивши Іоанну такое письмо: „Жгу и пустошу все изъ-за Казани и Астрахани, а всего свѣта богатство примѣняю къ праху, надѣясь на величество Божіе. Я пришелъ на тебя, городъ твой сжегъ, хотѣлъ вѣнца твоего и головы, но ты не пришелъ и противъ насъ не сталъ, а еще хвалишься, что-де я московскій государь! Были бы въ тебѣ стыдъ и дородство, такъ ты-бъ пришелъ противъ насъ и стоялъ. Захочешь съ нами душевной мыслью въ дружбѣ быть, такъ отдай наши юрты—Казань и Астрахань,—а государства твоего дороги я видѣлъ и опозналъ“. Перепуганный Іоаннъ отправилъ къ Девлетъ-Гирею посла съ обѣщаніемъ отдать ему Астрахань, только просилъ отсрочки. Но ханъ требовалъ и Казани. Однако, дѣло кончилось на этотъ разъ благополучно для Московскаго государства. Не дожидаясь дальнѣйшихъ дѣйствій Іоанна, Девлетъ-Гирей снова пошелъ на Москву лѣтомъ 1572 года, но на этотъ разъ былъ окончательно разбитъ княземъ Воротынскимъ на рѣкѣ Лопаснѣ. Несмотря на эту побѣду, Русская земля не могла оправиться: она потеряла огромную часть своего народонаселенія, а столица въ XVII вѣкѣ еще продолжала помнить татарскій разгромъ. Чтобы защитить на будущее время государство отъ нашествія крым-

ской орды, въ южныхъ предѣлахъ Россіи была образована сторожевая и станичная служба, были основаны небольшія крѣпости, окруженныя деревянными стѣнами и рвами, куда стекались всѣ тогдашніе отважные вольные люди, не записанные въ тягло. Такъ возникли теперешніе города: Ряжскъ, Орелъ, Веневъ, Епифань и др. Въ 1547 году, не желая больше оставлять земщины въ управленіе боярамъ, Иванъ рѣшилъ повѣрить ее крещеному татарскому царю Симеону Бекбулатовичу, а для этого прибѣгнулъ къ необыкновенному средству. Казнивъ на Кремлевской площади многихъ бояръ, чудовскаго архимандрита и благовѣщенскаго протопопа, Іоаннъ въ то же время вѣнчалъ Симеона царскимъ вѣнцомъ, а самъ назвался Иваномъ Московскимъ, поселился на Петровкѣ, гдѣ жилъ, какъ простой бояринъ, и писалъ Симеону въ челобитныхъ: „Государю, великому князю Симеону Бекбулатовичу Иванецъ Васильевъ со своими дѣтишками, съ Иванцемъ да съ Ѳедорцемъ челомъ бьетъ. Государь, смилуйся, пожалуй!“ Только два года процарствовалъ Симеонъ въ Москвѣ, на третій Іоаннъ низложилъ этого государя и сослалъ его на жительство въ Тверь. Но не въ одномъ только государственномъ управленіи выказывались необузданныя страсти и сумасбродства царя: его семейная жизнь носила яркій отпечатокъ особенностей его характера. Послѣ смерти второй своей жены, красавицы дикарки Маріи Темрюковны, Иванъ рѣшилъ жениться въ третій разъ и изъ 2000 дѣвицъ выбралъ себѣ въ жены Марѳу Васильевну Собакину, дочь новгородскаго купца; но молодая царица умерла черезъ нѣсколько дней послѣ брака. Царь вопилъ, что ее извели лихіе люди; по его

приказанію были казнены многіе знатные бояре, а также бывшіе его любимцы Василій Грязной и братъ второй супруги Іоанна, кровожадный Михаилъ Темрюковичъ. Не признавая никакихъ препятствій, Іоаннъ рѣшилъ на слѣдующій годъ жениться въ четвертый разъ. По царскому приказанію былъ созванъ духовный соборъ и составлена грамота, разрѣшавшая царю вступить въ четвертый бракъ съ тѣмъ, однако, чтобы никто изъ подчиненныхъ не осмѣливался слѣдовать царскому примѣру. „Если жъ кто по гордости и неразумію вступитъ въ четвертый бракъ“, — было написано въ грамотѣ: — „тотъ будетъ проклятъ“. Іоаннъ женился на Аннѣ Алексѣевнѣ Колтовской, но жилъ съ нею не болѣе трехъ лѣтъ: Колтовскую постригли подъ именемъ Дарьи. Въ ноябрѣ 1573 года царь, ободренный рѣшеніемъ собора, взялъ себѣ въ жены Марію Долгорукую, а на другой день, подозрѣвая, что она до брака любила кого-то другого, приказалъ посадить ее въ колымагу, запряженную дикими конями, и погнать ихъ въ прудъ, гдѣ уже было потоплено много жертвъ царскаго гнѣва. Вслѣдъ затѣмъ царь женился на Аннѣ Васильчиковой, а послѣ ея исчезновенія, на Василисѣ Мелентьевой, которая тоже скоро исчезла изъ дворца.

Пока царь тѣшилъ себя пытками и казнями и мѣнялъ надоѣвшихъ ему женъ, въ Литвѣ и Польшѣ происходили событія чрезвычайной важности. Въ 1572 году скончался король Сигизмундъ-Августъ, и вмѣстѣ съ нимъ прекратилась линія Ягеллоновъ. Необходимо было выбрать новаго короля. Литовскіе паны, сохранившіе еще въ то время православную вѣру и русскій языкъ, рѣшили из-

брать государя изъ московскаго дома, надѣясь, что онъ будетъ поддерживать ихъ интересы; поляки не мѣшали имъ въ этомъ, думая, что избраніе короля изъ Москвы повлечетъ за собою соединеніе московской Руси съ Польшей, многихъ же просто прельщали слухи о богатствѣ Іоанна. Какъ бы тамъ ни было, въ Москву былъ отправленъ изъ Польши посолъ, Зеньковичъ-Воропай, который объявилъ царю, что польско-литовская рада (совѣтъ) желаетъ имѣть королемъ сына его Ѳедора. Это очень не понравилось Іоанну: онъ самъ мѣтилъ въ польскіе короли. „Если вы“,—обратился онъ къ Воропаю,—захотите меня взять въ государи, то увидите какого получите во мнѣ защитника и добраго государя; сила поганская тогда не будетъ зазнаваться, да и не одно поганство,—Римъ и не одно королевство противъ насъ не устоитъ, когда земли ваши будутъ одно съ нашими. Я знаю, въ вашей землѣ, говорятъ, что я золъ. Правда, я золъ и гнѣвливъ, не хвалюся. Однако, пусть спросятъ меня, на кого я золъ? Я отвѣчу, что кто противъ меня золъ, на того и я золъ, а кто добръ, тому не пожалѣю снять цѣпь и одежду съ себя“. Затѣмъ царь просилъ, чтобы ему отдали Ливонію по Двинѣ, а самъ обѣщалъ вернуть Полоцкъ. Про сына своего онъ сказалъ такъ: „У меня ихъ два, какъ два глаза въ головѣ. Если мнѣ отдать вамъ одного изъ нихъ въ короли, это все равно, что изъ человѣка сердце вырвать“. Но польскихъ и литовскихъ пановъ не прельщала мысль имѣть Іоанна своимъ государемъ: слухи о его жестокости доходили до польскаго королевства; тѣмъ не менѣе, православнымъ литовскимъ панамъ непремѣнно хотѣлось найти государя въ единовѣр-

ной Москвѣ. Прошло шесть мѣсяцевъ, въ Польшѣ не приходили ни къ какому рѣшенію. Наконецъ, въ февралѣ 1573 года въ Москву явился литовскій посолъ Михаилъ Гарабурда изъявлять царю рѣшеніе — выбрать или его самого или сына его Ѳедора, смотря по его желанію, но съ условіемъ, чтобы Литвѣ было уступлено четыре города: Смоленскъ, Полоцкъ, Усвятъ и Озерище, за Ѳедоромъ же отдано еще нѣсколько волостей. Іоанну не понравились слова Гарабурды, онъ отвѣчалъ ему длинной, запутанной рѣчью, говорилъ, что сынъ его „не дѣвка“, чтобъ давать за нимъ приданое, обѣщалъ отдать Польшѣ Полоцкъ, но требовалъ Ливонію и Кіевъ, изъявлялъ подозрѣніе, что поляки и литовцы заманиваютъ къ себѣ сына его Ѳедора, чтобы выдать его государю турецкому, совѣтовалъ лучше всего выбрать на польскій престолъ австрійскаго принца Эрнеста и требовалъ, грозя войною, чтобы ни за что не выбирали королемъ французскаго принца. Несвязныя рѣчи эти окончательно подорвали значеніе Іоанна въ Польшѣ. Несмотря на его угрозы, королемъ былъ избранъ французскій принцъ Генрихъ Анжуйскій. Не понимая ни по-польски, ни по-латыни, новый король игралъ самую жалкую роль въ управленіи: избѣгая поляковъ, онъ всѣ ночи проводилъ съ пріѣхавшими съ нимъ французами то за картами, то за пирушками. Безмѣрная щедрость его и расточительность окончательно разорили дворъ; во дворцѣ былъ такой безпорядокъ и бѣдность, что иногда нечего было подать къ обѣду, нечѣмъ накрыть столъ. Узнавъ о смерти своего бездѣтнаго брата, короля французскаго Карла IX, Генрихъ, не ожидая согласія поляковъ, 18 іюля 1574 года

тайно ночью бѣжалъ во Францію, гдѣ и сдѣлался королемъ. Снова польскій престолъ остался незанятымъ, но Іоаннъ и въ этотъ разъ не сумѣлъ воспользоваться возможностью получить польскую корону. Пока онъ колебался, въ 1576 году королемъ былъ выбранъ седмиградскій князь Стефанъ Баторій, человѣкъ въ высшей степени воинственный и умный. Утвердившись на престолѣ, онъ отправилъ къ Іоанну пословъ съ предложеніемъ не нарушать перемирія. Іоаннъ рѣшилъ не обращать вниманія на это предложеніе; его разсердило то, что Баторій, который не происходилъ изъ царскаго рода и, по его мнѣнію, былъ ничѣмъ не выше какихъ-нибудь бояръ московскихъ, смѣлъ его, Іоанна, называть своимъ братомъ и даже не давалъ ему ни его царскаго титула, ни титула смоленскаго и полоцкаго князя. Въ 1577 году царь снова открылъ военныя дѣйствія съ Ливоніей; онъ желалъ посадить въ ней королемъ датскаго принца Магнуса, владѣльца острова Эзеля, котораго онъ уже называлъ королемъ Ливонскимъ и котораго женилъ на своей племянницѣ Маріѣ, дочери казненнаго Владиміра Андреевича.

Ливонія, какъ мы уже говорили, отдала себя во власть Польшѣ и Швеціи; русскимъ предстояло вести трудную борьбу съ этими двумя государствами, которыя должны были вступиться за своихъ новыхъ подданныхъ. Но не успѣли русскіе воеводы Мстиславскій и Шереметевъ подойти съ войскомъ къ Ревелю, какъ противъ нихъ выступили не только шведы и ливонцы, но и покоренныя когда-то послѣдними чухонскія племена, издавна жившія здѣсь. Жестокость русскихъ въ продолженіе всей войны такъ ожесточила туземцевъ,

что тѣ дрались съ необычайной свирѣпостью, не щадя ни одного плѣннаго русскаго. Потерявъ большую часть людей и своего воеводу Шереметева, русскіе принуждены были отступить. Собравъ огромное войско, какое еще не вступало въ Ливонію, Іоаннъ рѣшилъ вести его самъ вмѣстѣ съ королемъ Магнусомъ, но уже не противъ шведскихъ владѣній, а противъ польскихъ. Походъ увѣнчался необыкновеннымъ успѣхомъ: ливонскіе города, перешедшіе къ Польшѣ, одинъ за другимъ слагали оружіе частью передъ Іоанномъ съ воеводами, частью передъ Магнусомъ. Почти вся Ливонія очутилась въ рукахъ русскихъ, но царь и не думалъ отдавать ее Магнусу. На его же просьбу посадить его, наконецъ, королемъ въ его владѣніяхъ Іоаннъ отвѣтилъ: „Не хочешь ли въ Казань, а не то ступай себѣ за море“, и велѣлъ войскамъ своимъ занять города, покоренные Магнусомъ, самому же ему приказалъ явиться немедленно въ царскій станъ. Магнусъ находился въ это время въ занятомъ имъ городѣ Венденѣ; онъ пріѣхалъ къ Іоанну, упалъ къ нему въ ноги и просилъ о помилованіи. „Если бъ ты не былъ королевскимъ сыномъ“, отвѣчалъ ему Іоаннъ: „то я бы научилъ тебя, какъ мнѣ противиться и забирать мои города“. Магнуса отдали подъ стражу. Преданные Магнусу нѣмцы, услышавши, что сдѣлалось съ ихъ королемъ, заперлись въ замкѣ города Вендена и начали стрѣлять въ русскихъ; одно ядро чуть-чуть не задѣло самого царя. Тогда Іоаннъ поклялся, что не оставитъ въ живыхъ ни одного человѣка въ городѣ, и приказалъ осаждать замокъ. Осажденные не видя возможности устоять противъ русскихъ, взорвали себя на воздухъ. Жи-

тели города были звѣрски умерщвлены. Простивъ Магнуса и давъ ему нѣсколько городовъ, Іоаннъ торжественно вернулся въ Москву и снова принялся за свое любимое времяпровожденіе.

Еще по дорогѣ изъ Ливоніи, заподозрѣвъ въ чемъ-то игумена Псково-Печерскаго монастыря Корнилія, Иванъ убилъ его жезломъ. „Предпослалъ его царь земной царю небесному“, гласитъ надгробная надпись надъ Корниліемъ. Прибывши въ слободу, царь занялся казнями боярскими: Воротынскій, Одоевскій, Куракинъ, Бутурлинъ, Тулуповъ и многіе другіе были замучены и казнены. Царь придумывалъ самыя утонченныя муки и даже самъ пыталъ осужденныхъ.

Ливонскій походъ Іоанна и его высокомѣрный тонъ требовали мщенія со стороны Стефана Баторія; онъ отправилъ къ Іоану пословъ, упрекая его за то, что онъ началъ, не объявивъ, войну, и требуя возвращенія отнятыхъ ливонскихъ городовъ, но царь заносчиво отвѣчалъ, что не только не отдастъ захваченнаго, но требуетъ еще Кіева, Витебска и многихъ другихъ городовъ и запрещаетъ называть его братомъ.

Послѣ такого отвѣта война была рѣшена. Напрасно поляки и литовцы, боявшіеся войны, не давали своему королю денегъ. Энергичный и воинственный Баторій, съ помощью гетмана Замойскаго, собралъ прекрасное войско, употребивъ на это свои собственныя средства и пригласивъ венгерскую и нѣмецкую пѣхоту. Соединившись со шведами, поляки вступили въ Ливонію, гдѣ послѣ первой стычки на ихъ сторону перешелъ король Магнусъ. Русскіе, двинувшіеся на нихъ, были окружены и разбиты; многіе воеводы пали, другіе

попались въ плѣнъ, нѣкоторые бѣжали. 29 августа 1579 года, подобравшись къ стѣнамъ Полоцка, венгерская пѣхота зажгла ихъ; пламя охватило весь городъ; нѣсколько воеводъ вмѣстѣ съ владыкой хотѣли взорвать себя на воздухъ, чтобы не попасть въ руки враговъ, но поляки схватили ихъ и вмѣстѣ съ остальными плѣнными доставили къ королю. Но не всѣ отличались такимъ мужествомъ; многіе изъ русскихъ охотно переходили на сторону Баторія, соблазненные его щедрыми обѣщаніями. Много бѣглецовъ вернулось домой. Вслѣдъ за Полоцкомъ послѣ ужаснаго кровопролитія былъ взятъ городъ Соколъ; поляки опустошали Сѣверскую и Новгородскую области, шведы же тѣмъ временемъ заняли Корелію и Ижорію; кровь лилась рѣкой. Царь находился во Псковѣ, когда до него дошли роковыя извѣстія, и впалъ въ страшное отчаянье. Не зная, какимъ образомъ собрать денегъ для военныхъ издержекъ съ истощеннаго и обѣднѣвшаго народа, онъ рѣшилъ отобрать у монастырей и епископій большую часть ихъ недвижимаго имущества, оставивъ имъ только необходимое. Въ январѣ 1580 года былъ созванъ для этой цѣли соборъ изъ важнѣйшихъ церковныхъ лицъ, которыя, не смѣя противорѣчить Іоанну, постановили исполнить все, что онъ хотѣлъ. Царь, кромѣ многихъ недвижимыхъ имѣній, взялъ съ духовенства огромную сумму денегъ, хотя это и не было утверждено соборомъ. Между тѣмъ, приходили все новыя и новыя извѣстія о побѣдахъ непріятеля. Окончательно перепуганный, Іоаннъ отправилъ къ Баторію въ Вильну пословъ просить мира. Касательно своего поведенія московскіе послы получили такой наказъ: „Будетъ въ

чемъ нужда, то они должны приставамъ говорить объ этомъ слегка, а не браниться и не грозить; если позволятъ покупать съѣстные припасы, то покупать, а не позволятъ—терпѣть; если король о царскомъ здоровьѣ не спроситъ и противъ царскаго поклона не встанетъ, то пропустить это безъ вниманія, ничего не говорить; если станутъ безчестить, тѣснить, досаждать, бранить, то жаловаться на это приставу слегка, а „прытко“ объ этомъ не говорить“. О прежней заносчивости, какъ видно, не было и рѣчи. Но всѣ униженія не привели ни къ чему. Баторій обращался съ послами гордо и отвѣчалъ, что онъ уже садится на коня и уже выступаетъ съ войскомъ своимъ туда, куда Господь Богъ укажетъ ему дорогу.

Напрасно московскіе послы являлись одни за другими. 16 іюня 1580 года, собравъ новое войско, Баторій выступилъ изъ Вильны и снова началъ брать городъ за городомъ; взяты были: Велижъ, Великія Луки, Невель, Озерище, Торопецъ, Холмъ, Старая Руса и др. Шведскій полководецъ Делагарди овладѣлъ Нарвой, Иванъ-Городомъ, Копорьемъ, были взяты почти всѣ ливонскіе города. Иванъ снова отправилъ посольство къ Стефану Баторію просить перемирія и не только называлъ Баторія братомъ, но приказалъ своимъ посламъ сносить безропотно брань, безчестіе и даже побои. Царь отказывался уже отъ всей Ливоніи, но Баторій требовалъ уплаты 400.000 червонцевъ военныхъ издержекъ и, потѣшаясь униженіемъ и малодушіемъ врага, послалъ къ московскому государю грамоту, наполненную ругательствами; онъ называлъ его: Фараономъ московскимъ, волкомъ, вторгнувшимся къ овцамъ, человѣкомъ, исполнен-

нымъ ядомъ, ничтожнымъ, грубымъ. „Ты не государь своему народу, а палачъ“, писалъ онъ: „ты привыкъ повелѣвать надъ подданными, какъ надъ скотами, а не такъ, какъ надъ людьми!.. Ты думаешь вездѣ такъ управляютъ, какъ въ Москвѣ? Каждый король христіанскій, при помазаніи на царство, долженъ присягать въ томъ, что будетъ управлять не безъ разума, какъ ты. Правосудные и богобоязненные государи привыкли сноситься во всемъ со своими подданными, и съ ихъ согласія ведутъ войны и заключаютъ договоры“. „Для чего ты къ намъ не пріѣхалъ со своими войсками“, писалъ онъ дальше: „отчего своихъ подданныхъ не оборонялъ. И бѣдная курица передъ ястребомъ и орломъ птенцовъ своихъ крыльями покрываетъ, а ты, орелъ двуглавый (ибо такова твоя печать), прячешься“?

Въ концѣ Баторій вызывалъ Іоанна на поединокъ. Хватаясь за послѣднюю надежду, Иванъ Васильевичъ послалъ гонца въ Римъ къ папѣ Григорію XIII, прося его ходатайствовать передъ Польшей о заключеніи мира. Папа съ радостью согласился исполнить царскую просьбу, надѣясь склонить Іоанна къ соединенію православной и католической церкви и къ признанію папской власти. Для этой цѣли онъ выбралъ знаменитаго въ то время богослова Антонія Поссевина. Баторій тѣмъ временемъ осаждалъ Псковъ, но воеводы Иванъ Петровичъ Шуйскій и Василій Ѳедоровичъ Скопинъ-Шуйскій, которые защищали городъ съ 30,000 русскихъ, такъ мужественно отбивались, что король терпѣлъ одну неудачу за другой. Польское войско начинало роптать. Наступила суровая зима. Отойти отъ Пскова, не взявши его и не

заключивши выгоднаго мира, было бы срамомъ для Баторія, онъ потерялъ бы свое вліяніе въ Польшѣ, за которое, какъ выборный король, онъ принужденъ былъ крѣпко держаться, поэтому мысль о мирныхъ переговорахъ была ему по сердцу. Такимъ образомъ, обѣ враждебныя стороны пришли къ одному и тому же рѣшенію.

При содѣйствіи Антонія Поссевина, посѣтившаго сначала Баторія, а потомъ Іоанна, уполномоченные обѣихъ сторонъ съѣхались въ декабрѣ 1581 года въ деревнѣ Киверова Горка, въ пятнадцати верстахъ отъ Запольскаго Яма. Послѣ трехнедѣльнаго спора, 6 января 1582 года было заключено перемиріе на 10 лѣтъ. Іоаннъ отказался отъ Ливоніи, Полоцка и Велижа. Въ маѣ слѣдующаго года закончились военныя дѣйствія противъ Швеціи. При рѣкѣ Плисѣ было заключено перемиріе на три года, по которому Швеція удерживала за собою не только свою часть Ливоніи, но и русскіе города Яму и Копорье, захваченные во время войны. Такимъ образомъ, Іоаннъ не только не утвердился на берегахъ Балтійскаго моря, но даже потерялъ принадлежавшія ему земли. Такъ кончилась изнурительная для всей Россіи ливонская война. Цѣною пролитой крови народной, разоренія, голода, болѣзней былъ купленъ унизительный для Московскаго государства миръ. Царь, между тѣмъ, проживалъ въ Александровской слободѣ вмѣстѣ съ своей новой женой, Маріей Нагой, на которой онъ женился въ 1580 году. Вслѣдствіе военныхъ неудачъ и безпрерывныхъ униженій характеръ Іоанна становился все тяжелѣе и необузданнѣе. Страшная жизнь, которую онъ велъ, и постоянные припадки гнѣва окончательно разстроили

его здоровье. Эта привычка давать волю своему гнѣву и рукамъ навлекла за собой страшное наказаніе.

Въ 1581 году въ Александровской слободѣ произошло страшное событіе: царь въ припадкѣ гнѣва убилъ желѣзнымъ посохомъ своего старшаго сына Ивана, уже успѣвшаго пріобрѣсть всѣ кровожадныя привычки отца. Современники различно объясняютъ это событіе. Русскіе лѣтописцы говорятъ, что Іоаннъ разсердился на сына, за то, что тотъ сталъ говорить объ обязанности выручить Псковъ, но Антоній Поссевинъ, пріѣхавшій въ Москву послѣ заключенія Запольскаго мира для религіозныхъ переговоровъ, разсказываетъ, что убійство произошло изъ-за семейной ссоры: царевичъ вступился за свою беременную жену, которую Іоаннъ избилъ посохомъ. По словамъ того же Поссевина, убійца былъ въ отчаяніи, онъ вопилъ, рвалъ на себѣ волосы и, собравъ своихъ бояръ, объявилъ имъ, что не хочетъ болѣе царствовать и уходитъ въ монастырь, а такъ какъ второй сынъ его, Ѳедоръ, по слабости ума, не способенъ къ правленію, то пусть бояре подумаютъ, кто изъ нихъ способенъ занять престолъ царскій; но бояре, боясь, чтобъ это не было хитростью, стали умолять государя не покидать ихъ.

Много дней не прекращались терзанія Іоанна; по ночамъ онъ метался какъ-будто въ горячкѣ. Но мало-по-малу онъ сталъ успокаиваться, разослалъ за упокой души убитаго сына богатые дары по монастырямъ, завелъ себѣ синодики, куда записывалъ, для поминанья, имена своихъ жертвъ. Пріѣхавшій для религіозныхъ преній Поссевинъ рѣшилъ воспользоваться возвращеніемъ царя къ

обыденнымъ занятіямъ, чтобы посредствомъ своихъ доводовъ склонить его къ соединенію церквей. Іоаннъ выслушалъ его предложенія и самъ возражалъ ему, показывая свою ученость, но спорить о вѣрѣ не захотѣлъ, и папскій уполномоченный уѣхалъ ни съ чѣмъ. Освобождаясь понемногу отъ своей тоски по убитомъ сынѣ и угрызеній совѣсти, Іоаннъ возвратился снова къ своимъ кровожаднымъ привычкамъ. По его приказанію были собраны въ количествѣ 2300 человѣкъ ратные люди, бѣжавшіе съ поля сраженія во время Ливонской войны, и всѣ казнены самымъ мучительнымъ образомъ, множество же ливонскихъ плѣнныхъ было растерзано передъ царскими окнами выпущенными на нихъ медвѣдями.

Почти всѣ близкіе Іоанна подвергались его немилости и гнѣву; только новый его любимецъ, Борисъ Годуновъ, сестра котораго была за царевичемъ Ѳедоромъ, имѣлъ на него нѣкоторое вліяніе.

Вмѣстѣ съ другими мучилась и трепетала за свою судьбу и за судьбу новорожденнаго сына Дмитрія молодая жена Іоанна. Царь не взлюбилъ ее, какъ и прежнихъ женъ. Несмотря на преждевременную дряхлость, расшатанное здоровье и постоянную тоску, онъ задумалъ снова жениться. Услыхавъ, что у англійской королевы Елизаветы есть незамужняя родственница Марія Гастингсъ, Іоаннъ отправилъ въ Англію пословъ, чтобы узнать о невѣстѣ и заключить съ Англіей тѣсный союзъ; когда же Марія, узнавъ о злодѣйствахъ русскаго государя, наотрѣзъ отказалась отъ чести сдѣлаться его супругой, царь сталъ развѣдывать, нѣтъ ли у Елизаветы еще другихъ родственницъ-невѣстъ. А

время не ждало. Несмотря на то, что царю было немного за пятьдесятъ лѣтъ, онъ имѣлъ видъ дряхлаго старика: страшная болѣзнь, какое-то гніеніе открылось у него внутри; часъ расплаты былъ недалекъ. Единственнымъ свѣтлымъ событіемъ за послѣдніе годы царствованія Іоанна было покореніе Сибири, извѣстіе о которомъ дошло до государя въ послѣдній годъ его жизни и озарило его славнымъ отблескомъ былыхъ годовъ. Но и это событіе, какъ много лѣтъ тому назадъ покореніе Казани, совершилось помимо Іоанна. Тогда, по крайней мѣрѣ, онъ самъ дѣлилъ со своимъ войскомъ всѣ труды и лишенья походной жизни,—на этотъ разъ взятіемъ Сибири Московское государство было исключительно обязано небольшой горсти донскихъ казаковъ. Начало казачества теряется въ туманѣ далекихъ вѣковъ: оно, вѣроятно, возникло во время столкновенія съ татарами (этимъ именемъ назывались сначала вообще безсемейные, бездомные люди). По разореніи Золотой Орды, южныя и юговосточныя степи явились сильной приманкой для удалыхъ русскихъ людей, не записанныхъ въ писцовыя книги и не обязанныхъ нести тягло. Тѣ изъ нихъ, которые желали полной независимости и не боялись боевой жизни, уходили туда; къ нимъ присоединялись всѣ тѣ, которымъ нельзя было оставаться въ государствѣ, напр.: бѣглые служилые люди и холопы, преступники, бѣжавшіе отъ наказанія. Такъ въ XVI вѣкѣ образовались вольныя военныя братства: Запорожская сѣчь на Днѣпрѣ и донскіе казаки на Дону. Ведя постоянную борьбу съ кочевниками, казаки часто нападали и на московскія области и грабили русскія суда по Волгѣ и Дону.

Въ 1579 году донскіе казаки, подъ предводительствомъ атамановъ Кольцо, Барбоши и другихъ, напали на ногайскій городъ Сарайчикъ и разорили его до основанія. По жалобѣ ногаевъ Іоаннъ выслалъ противъ казаковъ большое войско, которое и разбило ихъ; одинъ изъ казацкихъ отрядовъ, спасаясь отъ царскихъ воеводъ, подъ начальствомъ Ермака, перешелъ въ Пермскую землю. Сѣверо-восточная часть Московскаго государства была очень мало населена. Чтобы заселить пустыя земли, московскіе государи охотно раздавали ихъ на очень льготныхъ условіяхъ во владѣніе тѣмъ людямъ, которые брались заселить ихъ и завести разные промыслы. Въ половинѣ XVI вѣка здѣсь ярко обозначилась широкая дѣятельность фамиліи Строгановыхъ. Одинъ изъ нихъ, Григорій, получилъ отъ Іоанна въ 1558 году пустыя земли по рѣкѣ Камѣ на протяженіи 146 верстъ.

Григорій и его братья привели сюда переселенцевъ, освобожденныхъ царемъ на 20 лѣтъ отъ всякихъ государственныхъ налоговъ и повинностей, выстроили здѣсь два города и завели земледѣліе и соляныя варницы. Для защиты отъ сосѣднихъ инородцевъ,—остяковъ, вогуличей, черемисовъ,—Строгановы, съ дозволенія царя, начали набирать къ себѣ охочихъ казаковъ. Вскорѣ Строгановымъ пришлось столкнуться съ зауральскимъ краемъ.

По рѣкамъ Тоболу и Иртышу находилось тогда татарское царство, называвшееся Сибирью по имени главнаго города, иначе именуемаго Искеръ. Сибирскій ханъ Кучумъ, враждовавшій съ русскими, началъ со своимъ войскомъ нападать на строгановскія владѣнія. Іоаннъ, узнавшій объ этомъ, раз-

рѣшилъ Строгановымъ собрать войско и итти за Уралъ. Самыми подходящими людьми для такого предпріятія были казаки и ихъ-то, подъ начальствомъ Ермака, Строгановы и отправили противъ Кучума въ количествѣ 850 человѣкъ. Съ казаками было нѣсколько пушекъ, всѣ они были вооружены ружьями.

1 сентября 1582 года они двинулись въ походъ, плывя по рѣкамъ. Первый же встрѣтившійся имъ въ Сибири татарскій отрядъ разбѣжался послѣ перваго залпа никогда невиданнаго имъ огнестрѣльнаго оружія.

Продолжая путь, 23 октября Ермакъ встрѣтился съ Кучумомъ и всѣмъ его войскомъ. На каждаго казака приходилось тридцать сибиряковъ, но бывшіе донскіе удальцы не захотѣли отступать.

Битва началась. Татарскія стрѣлы не могли ничего сдѣлать противъ ружей и пушекъ. Сибиряки были разбиты и бѣжали. 26 октября Ермакъ съ казаками вступилъ въ столицу сибирскаго царства. Испуганныя нашествіемъ русскихъ, подвластныя Кучуму племена сами пришли бить челомъ Ермаку. Сибирь была взята.

Съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ въ Москву былъ отправленъ въ 1584 г. помощникъ Ермака, Иванъ Кольцо, нѣкогда разбитый войскомъ Іоанна и приговоренный тогда царемъ къ смертной казни.

Іоаннъ встрѣтилъ Кольцо милостиво, объявилъ ему прощенье, послалъ въ подарокъ Ермаку серебряный ковшъ, шубу и два панцыря, и отправилъ въ Сибирь своихъ воеводъ съ значительнымъ отрядомъ людей.

Вѣсть о покоренiи Сибири какъ-будто вознаградила царя за его послѣднія неудачи и униженія.

Но радость его была кратковременна: болѣзнь его шла впередъ страшными шагами, тѣло его покрылось опухолями, отъ него исходилъ отвратительный запахъ. Во время мучительныхъ припадковъ Іоаннъ съ тоскою звалъ своего убитаго сына; укоры совѣсти, мысль о томъ, что онъ оставляетъ разоренное государство въ рукахъ слабоумнаго Ѳедора, не давали ему покоя. По всѣмъ монастырямъ и церквамъ были разосланы обильныя милостыни съ просьбою молиться за больного государя. Въ то же время суевѣрный Іоаннъ приглашалъ къ себѣ знахарей и знахарокъ. Но тщетно пытался царь отсрочить часъ своей смерти—онъ наступилъ.

Смертный ударъ застигъ Іоанна 18 марта, когда, почувствовавъ облегченіе, онъ собирался играть въ шашки. Надъ умирающимъ царемъ, по обычаю, былъ совершенъ обрядъ постриженія, онъ былъ названъ Іоной. Но Іоаннъ не дождался конца обряда, онъ былъ бездыханенъ. На третій день тѣло государя было погребено въ Архангельскомъ соборѣ, рядомъ съ могилой, гдѣ покоились останки его убитаго сына. Слова, нѣкогда сказанныя Іоанну митрополитомъ Филиппомъ, что творившіе зло государи вспоминаются недобрымъ словомъ, сбылись. Воспоминаніе объ его жестокости до сихъ поръ живетъ въ народныхъ пѣсняхъ, а имя Грознаго нераздѣльно звучитъ съ именемъ Іоанна IV-го.

dV